

Вынужденное знакомство

Автор:

Татьяна Алюшина

Вынужденное знакомство

Татьяна Александровна Алюшина

Еще раз про любовь

Роман Татьяны Алюшиной – книга о том, что не стоит терять оптимизм ни в какой ситуации. В семье Полины Мирской произошла страшная трагедия: ее невестку похитил террорист. А дальше беды покатились одна за другой: болезнь брата, увольнение, предательство жениха... Но Полина, всего в жизни добившаяся сама и окруженная любовью семьи, оказалась способна на настоящие подвиги. Она сумеет защитить своих близких. Она сделает правильный выбор и не испугается перед лицом реальной опасности. И, словно в награду, обретет настоящее счастье, которого не случилось бы, не случись беды.

Татьяна Алюшина

Вынужденное знакомство

Дизайн обложки Н. Каштыкиной

Редактор серии В. Горюнова

© Алюшина Т., 2022

* * *

«Траву надо бы скосить...» – проплыла в сознании очередная мимолетная мысль, не задержавшись в череде столь же вялых, цепляющихся друг за друга невесомых размышлений. Застыв у окна, Полина все помешивала и помешивала рассеянно ложечкой в кружке позабытый и безнадежно остывший кофе, рассматривала двор через чуть помутневшее после недавних сильных дождей стекло, не задерживаясь надолго взглядом ни на одном объекте.

«Господи! О чем я думаю? – внезапно выскочила она из своей затянувшейся, тягучей неосознанности. – Какая трава?! Какое косить?!»

– Совсем сбрендила! – произнесла вслух Полина и тряхнула головой, изгоняя окончательно странную, пустую меланхолию, возвращая себя в реальность.

Посмотрела с удивлением на кружку в руке, сообразив, что так и держит, совершенно позабыла про нее, и хоть и с сомнением, но поднесла все же к губам и сделала глоток.

Фу, холодный. Ну а какой еще он мог быть? Сколько она вот так проторчала у окна, замерев в легком трансе, гоня непростые мысли в голове? Десять минут? Полчаса? Да какая разница.

Ладно, «помедитировала» о плохом, надо бы и делом заняться.

Да, делом заняться определенно следовало...

«Как?! Ну как все могло пойти до такой степени вразнос? И почему какая-то дикая цепь непредсказуемых событий настолько закрутилась, что, блин, вся жизнь рассыпалась, пропадая на хрен солёный?!»

Внезапно, следом за недолгим рассеянным расслаблением, накрыла Полину безысходная, какая-то серая муть отчаяния, в стопятидесятый раз заполняя сознание совершенно непродуктивными вопросами: «Надо же что-то делать,

как-то выгребать из этого треша непроходимого! Что-то ведь делать надо же!»

Всю свою сознательно-взрослую жизнь Полина Мирская пребывала в твердой уверенности: стенания о жутких неприятностях, якобы не желающих ходить поодиночке, предпочитая кооперироваться в кучу и набрасываться на попавшего под их раздачу человека, есть не что иное, как желание этого самого «страдальца» тупо ничего не делать самому.

«Потерпевший», манипулируя, расчетливо давя на людское сострадание и душевную щедрость, таким образом старается эффективно переложить свои проблемы на кого угодно: на государство, полицию, различные фонды помощи, несчастных родственников и просто равнодушных добрых людей, не успевших вовремя увернуться. Главное для него – уклониться от решения проблем самому.

А поговорка «Пришла беда – открывай ворота» есть не что иное, как глухой анахронизм, к которому так любят апеллировать те самые «несчастные», оправдывая отсылкой к мудрости предков свое бездействие, инфантилизм и нежелание разбираться с непростыми обстоятельствами.

Разумеется, данный упрек не касался и не относился к реально нуждающимся в помощи людям, таким как одинокие, немощные старики, тяжело больные детки и инвалиды, лишенные попечительства и поддержки.

Полина откровенно недоумевала: а сам что-то делать не пробовал, товарищ? Для начала хотя бы отлипнуть от экрана компа, поднять пятую точку и реально начинать что-то менять? И причисляла такого рода жалобщиков либо к хроническим лентяям и «голимым халявщикам», как выражался один художник, с которым ей приходилось работать, либо к откровенным мошенникам.

Ну вот так ее научила и воспитала бабушка Анфиса, папина мама, имевшая весьма специфический взгляд на правила и законы социума и жизни в целом. Взгляд этот она вынесла из своего весьма непростого детства дочери репрессированных родителей, прошедшей специнтернат для детей «предателей Родины». О чем, кстати, никогда не рассказывала ни слова. Вот никогда – стена, что ни спроси про детство или юность, только посмотрит так пристально, подожмет губы и отвернется.

Суровая, строгая, железные принципы – кремень, а не женщина. И всегда подтянутая, ухоженная, прическа волосок к волоску, совсем легкий макияж: бровки, почти незаметный контур на веки и немного теней, помада лишь намеком, только чтобы добавить немного тона. И одевалась Анфиса Григорьевна с потрясающим вкусом, в основном в то, что сама и шила. А шила она великолепно, даже шляпки и пальто сама кроила и изготавливала. Все идеально выглажено, подогнано и сидит как влитое. Спина в струнку – и вот идет-шествует.

К добру ли, к худу, но именно бабушка Анфиса проводила бо?льшую часть времени с внучкой, по ходу занимаясь и воспитанием Полины, передавая те самые житейские мудрости и правила, которые выработала для себя и по которым жила-выживала сама. Родители-то работали, и работали очень-очень много, стараясь в те непростые времена прокормить семью, старший брат к тому времени был уже подростком и в пригляде взрослых не нуждался, а вот Поля, по малости лет и потому что заниматься девочкой родителям было совершенно некогда, попала под бабушкины наставления-наравоучения.

Умерла Анфиса Григорьевна, когда Полине исполнилось семь лет. Наверное, столь ранний ее уход в какой-то степени спас Полину от окончательного формирования сурового восприятия действительности и жизни, настороженности и готовности в любой момент противостоять обязательно должным случиться трудностям и людскому предательству. Да и родители – с их любовью, куда как более мягким и позитивным подходом к житейским догмам и гораздо более гибким мышлением – смогли в какой-то степени нивелировать бабушкино влияние на девочку. Ну и характер, понятное дело, сыграл не последнюю роль в формировании личности Полины. Но кое-что из втолковываемых бабушкой жизненных укладов и наставлений закрепилось прочно и навсегда в ее сознании.

«Не плачь, не бойся, не проси», в расширенной и более мягкой, адаптированной для социума и ребенка трактовке.

Эту прямую аналогию Полина уловила и осознала, будучи студенткой, когда изучала работы известных философов и классическую литературу, но привычка никогда и ни у кого не просить помощи, а справляться с любой проблемой самостоятельно осталась в ней неистребимой.

К тому же понятно, что, когда случалось решить очередную непростую задачу, всякое такое достижение изрядно тешило и повышало самооценку Полины, как человека деятельного, обладающего здоровым тщеславием, – ведь смогла, справилась, разобралась, добилась. Ну а как без этого.

Yes-s-s... как говорится.

Слушайте, ну а кого бы не распирало от гордости, когда ты сам, без протезирования и «подпорки», добился высокого социального статуса, продвинулся в карьере или разрулил сложную проблему, которая другим не по силам и не по мозгам?

Вот и довыпендривалась, дотешила самооценку с гордыней: «Халевщики, мошенники, лентяи! А я такая крутая-умная, все могу, все умею, все преодолею, все сама, сама...» Ну-ну, хмыкнуло провидение и выдало «тест-драйв»: на, получи, да по такой «программе» тренинга с качем на пару, что вся жизнь вдребезги и зубов не собрать!

Как там сказал один ее знакомый скульптор, по совместительству пропагандист буддистской теории устройства мира? «Не стоит трясти чванством, ибо чревато, поскольку карма работает без выходных».

Полина, помнится, все посмеивалась над его высказываниями в кришнаитском стиле (типа: все братья, довольствуйся малым, всех возлюби-прости и карма рулит), пропуская поучения подобного рода мимо сознания, принимая лишь то, что на работы этого деятеля искусства данная философия имела совершенно очевидное влияние. Кстати, весьма талантливые работы, вот она и слушала всю эту лабуду кармическую и кивала – да пусть что хочет говорит и во что хочет верит, главное, чтобы творил и дальше выставлялся в их галерее.

А к ней лично вся эта теория воздаяния-наказания за грехи не имеет ровно никакого отношения. Какие грехи, какая гордыня, какое тщеславие, вы о чем вообще? Нет в ней ничего подобного и близко – она вкалывает двадцать четыре на семь, постоянно общаясь с кучей народа, проявляя при этом чудеса великой терпимости, понимания и прощения.

А вы пробовали работать с творческими людьми? С художниками, скульпторами? Там такие закидоны приходится терпеть, усмирять и принимать – и носиться с

творцами как с малыми детьми, выдерживая все их истерики, запои, депрессии, нервные срывы и приступы больного тщеславия, – что невольно сама воплощенным Кришной станешь в его всепрощении и смирении. Или с людьми, облеченными властью-богатством, с капризными инвесторами, с «брыкливым», неуравновешенным руководством и так далее, так далее...

Но это ее жизнь и работа – бесконечная коммуникация с огромным количеством разных и не самых простых людей.

Так какая, на хрен, карма-сука, передовица производства, работающая «без выходных», спрашивается, выстрелила вдруг в Полину прямо в упор и с каких таких грехов ей все это прилетело?! Да и ладно бы только ей одной! Может, Поля тогда и разобралась бы и поняла, в чем проблема, пострадай лишь она, но ведь беда ворвалась в жизнь ее семьи, накрыв «взрывной волной» родных и близких.

Они что – тоже настолько нагрешили?

Ну, конечно, она не святая и, может, где-то с перебором бывает высокомерна и цену себе завышает, а почему нет-то, а? Она благополучная, весьма успешная девушка, москвичка с весьма неплохой работой и интересными перспективами карьерного роста, с хорошей, качественной личной жизнью, с квартирой, с приличной машиной, с прекрасной репутацией, с уважением в их профессиональной среде. И все это сама, своим трудом, упорством и усердием. И, между прочим, с вполне себе реальными, грандиозными планами на будущее.

И в один миг, в один клятый гадский миг вся основательность, уверенность и налаженность ее жизни рухнула, словно где-то там, в каких-то высших судьбоносных сферах произошел термоядерный взрыв, превращая планы-ожидания Полины, да и все ее настоящее, в труху и пепел, спровоцировав потрясение пространства такой силы, что образовался гибельный, неконтролируемый и беспощадный смерч.

Полина безысходно-привычно отчитывала рабочих галереи, как всегда пропустивших мимо сознания и памяти бо?льшую часть выданных им четких указаний и неверно установивших крепления под картины, когда позвонила Настя.

- Привет, - поздоровалась невестка.

- Подожди минутку, Настюша, - попросила Поля и вернулась к прерванному разговору с рабочими зала: - Все ведь достаточно четко просчитано и размечено, вот почему, объясните, вы делаете крепление где угодно, только не на выставленных метках?

И, понимая, что спрашивать в принципе бесполезно, только воздух зря сотрясать, распорядилась холодным начальственным тоном:

- Все переделать. Вечером проверю, напортачите снова, работы не зачту и не оплачу. Всё! - И, не успев сразу эмоционально переключиться, тем же начальственным тоном обратилась к «висевшей» на связи в ожидании Анастасии: - Да, Насть?

- Оу-оу, остынь, начальница! - рассмеялась Настюшка. - Я все делаю качественно, честное слово! Меня можно не отчитывать.

- Да, - вздохнула Полина и потерла устало лоб пальцами, отпуская внутренне напряжение и раздражение, - извини. У меня тут, как всегда, аврал-завал, столько надо еще успеть и сделать, а тут... Я дурею от этих работников: всякий раз, как выставка, так повторяется одно и то же: четко и конкретно определяешь место на стенах и стендах, так нет, обязательно что-то криво-косо и не по отметкам да сделают, - пожаловалась Поля и, тяжело вздохнув, переключилась окончательно на беседу: - Ты чего звонишь-то? - И улыбнулась, догадываясь о причине звонка невестки. - Предложение имеешь?

- Предложение имею. Кулинарно-бытового свойства, - рассмеялась Настюшка и спросила: - На обед придешь? Перерыв-то у тебя сегодня будет? Я пирог в духовку поставила. Капустный, твой любимый! - приглашала-соблазняла она.

- Пиро-о-ог... - протянула со значением Полина и посмотрела на часы на запястье, быстро прикидывая, что у нее с временем, припоминая дальнейшее расписание на сегодня. - А знаешь, приду. Минут через тридцать-сорок.

- Давай. Как раз пирог поспеет.

Полина машину брать не стала, оставив ту стоять на парковке у галереи; впрочем, она редко добиралась от работы до Насти на машине. Не любила крутиться и тыркаться по узким улочкам центра Москвы, наверняка где-нибудь еще и встряв в пробку, выбравшись из которой обязательно придется, ругаясь сквозь зубы, искать хоть какой-то «карман» для парковки на тех же узких улицах, плотно заставленных автомобилями в любое время суток.

Да ну на фиг, к тому же сегодня вообще что-то невообразимое творится с трафиком в Москве, лучше она пройдет пешком через дворы и «сократы», тем более тут недалеко, по московским-то меркам, считай, что вообще на соседней улице. Так что ножками оно полезнее и надежней, но таким быстрым пешочком, ближе к трусце – время, время, всегда не хватает, поджимает и что-то такое сложное с нами вытворяет. Вот и бегаем, несемся-торопимся.

Подумала об обещанном пироге – великий соблазн и сплошное гурманство, – и мысль, по цепочке ассоциации, сразу же перескочила на самую невестку. И, непроизвольно улыбаясь всю дорогу, думая о Насте, Полина бодро-торопливо шагала по улице, кутая подбородок в приподнятом воротнике стильной каракулевой курточки. Холодновато сегодня, а она, понятное дело, одета совсем не для прогулок на бодрящем, легком февральском морозце, а представительно и стильно, как и положено при ее должности, статусе и служебных обязанностях. Ну да – офис в «Центре», Галерея, теплое нутро комфортной машины, хорошо хоть туфли на каблуке удалось сменить на зимние кроссовки, которые предусмотрительно лежали у Полины в офисном шкафу на случай всяких непредвиденных ситуаций. Например, вот такой – легкой пробежки в гости по морозным улицам.

Да, Настюшка... Снова возникло перед ее мысленным взором лицо девушки. Анастасия, жена любимого старшего брата Полины Василия, хоть была всего на три года младше Полины, но вся родня относилась к ней как к милому, доброму подростку, такой своеобразной, легкой, радостной и очень позитивной вечной девочке. Не инфантилке ни разу – нет-нет, ни в коем случае, все у Настеньки с расстановкой приоритетов, живым умом, волей и трудолюбием в полном порядке, просто натура такая: светлая, воздушная, с неизменной улыбкой на губах и всегда близким, заразительным смехом. Ее и звали все Настенька да Настюшка, не иначе в соответствии с характером и нравом.

Братец Василий женился поздновато, когда ему уж за тридцать пять перевалило, хотя по нынешним-то меркам, когда и в сороковник мужчины у нас

вьюноши безбашенные и безответственные в большинстве своем, так, может, и в самый что ни на есть раз, если и вовсе не рановато.

Вася не то чтобы бирюк какой, но человек непростой, замкнутый, молчаливый, «сложноватый», как говаривает про него бабушка Василиса. Что, понятное дело, во многом обусловлено спецификой его работы, заодно являющейся четким, конкретным жизненным призванием: Вася программист, довольно крутой, надо сказать, и сильно востребованный айтишник, большую часть времени зависающий за компом что дома, что в офисе на рабочем месте.

Но в принципе Вася мужик вполне себе адекватный, серьезный и продуманный, про спорт не забывал никогда, занимался с детства, да и жизнь во всем ее многообразии, ради полного погружения в программирование и пространство интернета, в игнор не задвигал никогда.

Много путешествовал и, проверяя себя на экстрим, увлекался бейсджампингом, потом и вингсьютом, то бишь теми же прыжками со скалы, но не с парашютом, а в костюме-крыле, но к данному виду спорта быстро охладел, когда кто-то там из их команды разбился. Было в перечне интересов Василия и подводное плавание с аквалангом, и скалолазание – в общем, всякое-разнообразное, но без фанатизма, так – попробовать, понять, что почем, применить и прочувствовать.

Вот во время освоения очередного своего увлечения, когда он по приглашению одного из начальников-работодателей принимал участие в международной регате, Василий и познакомился с Настюшкой.

Девушка оказалась на регате совершенно случайно: кто-то там из ее знакомых заболел, кто-то не смог поехать, и предложили ей занять его место исключительно в качестве повара, вернее кока, на одной из яхт. Ну а кем еще, если учесть, что по образованию она повар.

Кстати, готовит Настюшка – зашибись, где-то близко к уровню «Бог», такой врожденный талант, увлечение и призвание.

Вот там, в общей компании, ребята и познакомились, и в разговоре выяснилось, что с первого взгляда понравившаяся Василию (а скорее с первого ее заразительного, звонкого смеха) девушка тоже из Москвы и живет в соседнем районе, и ездят они до метро на одной маршрутке или автобусе, а встретились

вот на регате в Средиземном море.

Настюшка как-то сразу стала для их семейства родной, близкой, освещая все вокруг улыбкой, наполняя своим звонким смехом и заражая оптимизмом и каким-то жизненным драйвом. К тому же Вася привел знакомить девушку с родней, когда та была уже на третьем месяце беременности, что в немалой степени способствовало стремительному вхождению Настеньки в семью уже на правах близкой и родной.

Свадьбу сыграли быстро, без лишних хлопот, понтов и заморочек.

Погуляли они хорошо – и на кораблике по Москве-реке катались, и песни пели, танцевали-веселились, душевно вышло. Правда, некое удивление у Полины вызвал тот факт, что на свадьбе не присутствовал никто из родственников невесты, но Настя объяснила, что в живых у нее остались лишь папа и его родители, дедушка с бабушкой, но они практически не поддерживают отношений, да и живут далеко, аж в Приморском крае, и приехать не смогли. Ну ладно, не смогли и не смогли, что тут сделаешь, Приморский край – это вам не в Турцию смотаться, это далеко. Условно можно считать, что девочка практически сирота, зато вся родня новоявленного мужа приняла ее как родную дочь, тем самым увеличившись на двоих человек сразу – на Настюшку и родившегося через пять месяцев Саввушку – Савву Васильевича Мирского.

Молодые переехали в квартиру Насти, успев закончить хороший, качественный ремонт аккурат перед самыми родами. По счастливому стечению обстоятельств, квартира располагалась недалеко от офиса «Центра» и Галереи, в которых работала Полина. Понятное дело, что Поля частенько, уж раз в неделю так точно, забегала на обед к Настюшке, когда та звонила и зазывала на чаек-кофеек и непременно какие-нибудь очередные вкусности. И успевала за короткий часик и с племянником потетешкаться, и с невесткой поболтать, обсуждая всякое-разное (и девичье-секретное, и бытовое), и отобедать в свое большое удовольствие, всякий раз поражаясь и искренне восхищаясь кулинарным талантом невестки.

Слушайте, жизнь у нас какая-то стремительная, словно ракета, – только же вот, казалось, встречали счастливо улыбающуюся Настюшку из роддома с пищущим конвертом в руках, и вот только годик малышу отметили, и только выезжать с

пузаном серьезным с двух его годов в разные страны стали, и только вот Саввушка в садик пошел – а уже пять лет человеку!

Пять! Офигеть! Пронеслись, как пуля, только вжикнув у виска.

«А где моя жизнь? Я-то что?» – как-то неожиданно вдруг, ни с того ни с сего подумалось Полине, за воспоминаниями-размышлениями и не заметившей, как почти пробежала весь путь и свернула в арку нужного двора. Она аж притормозила, захваченная врасплох этой простой и настолько странной для нее мыслью.

А что у нее? У нее...

– А у меня карьера. И несколько открытых настоящих талантов, которым реально помогла, выставки крупные, удачные, – не то возразила самой себе, не то утвердила себя Полина, почувствовав укол недовольства непонятно из каких закоулков подсознания выскочившим вопросом.

Оттого раздраженно и излишне деловито, замерзшими в тоненьких, стильных перчатках пальцами быстро набрала знакомый код на панели электронного запора и рывком распахнула подъездную дверь, когда замок, издав противный писк, открылся.

– И Александр, – вызывая лифт, присовокупила Полина аргумент к перечню своих немалых достижений за эти годы.

И отчего-то, пока лифт поднимался на нужный этаж, непроизвольно все обдумывала-перечисляла свои вершины и победы, словно спорила сама с собой или с кем-то еще. Наверное, именно потому, что увлеклась этим внутренним спором-диалогом и недовольством собой, Полина не сразу сообразила, что из-за двери, к которой она подошла, доносятся странные, совершенно нехарактерные и невозможные в жизни Васиного семейства звуки, и, уже было поднеся руку к звонку, остановилась, прислушавшись.

Что-то громко прокричал Саввушка и определенно заплакал. И так отчаянно-горько, страшно заплакал.

Полина перепугалась как-то сразу и всерьез, словно почувствовала, что происходит что-то непоправимое, бедовое, ломающее и перекраивающее всю их жизнь.

«С Саввушкой?» – стрельнула первая же, естественная, мысль. Она услышала голос невестки, что-то торопливо и громко отвечавшей кому-то, умоляя и убеждая в чем-то. Полина придвинулась поближе, приложила ухо к двери, пытаясь уловить больше и понять, что, черт возьми, у них там происходит. Конечно, ни фига определенного было не разобрать из-за капитальной железной двери, только вдруг неожиданно громко прозвучал отчетливый крик Саввы:

– Нет! Я не хочу! Не хочу!!!

Так, нечего тут гадать, разозлилась Поля и вжала кнопку звонка.

В этот же момент позади загремел открываемый дверной замок и из квартиры напротив на площадку вышла Анна Захаровна – любопытная, вездесущая старушенция, из разряда тех радеющих за социальную справедливость, которым всегда есть дело до всего на свете и уж тем паче до любых событий, шума и даже шороха в подъезде.

– Здравствуйте, Полина, – поджимая недовольно губки, прямо-таки принудила себя к вежливости блюстительница порядка. – Мы слышали детский крик. Это что, Савва плачет? – И без интонационного перехода сообщила: – Надо вызвать полицию! Тут явно детское насилие творится!

– Вызывайте! – разрешила Полина, переходя от терзания звонка на стук: – Настя!! Открой!! – прокричала она, затарабанив кулаком по двери.

– Всё, мы звоним в полицию! – предупредила соседка, извлекая из кармана теплого халата, застегнутого на ней под самое горло, словно укутывая в броню, сотовый телефон, и принялась набирать номер экстренной службы.

В пакет «мы слышали» и «мы вызываем» входил маячивший за спиной Анны Захаровны тишайший муж, неприметный, сгорбленный, худой мужичок неопределенного возраста, серо-невзрачной наружности, давно и прочно-безысходно зашуганный активной женой.

– Звоните! – выкрикнула Полина, продолжая колотить в дверь. – Настя!!! Что у вас случилось!? Что с Саввой?! Почему он плачет?! Открой! Открой немедленно!!! Я вызываю МЧС!!!

Она колотила, терзала звонок, кричала и за всем этим производимым шумом не услышала, как отпирается замок, и неосознанно отшатнулась назад, когда неожиданно резко, сразу на всю ширь распахнулась дверь, на пороге которой стояла насмерть перепуганная Настя. Бледная как полотно, до такой степени, что даже губы сливались с цветом кожи, словно теряясь, растворяясь на лице, она смотрела на Полину каким-то диким, остановившимся взглядом, расширившимися от ужаса зрачками, почти перекрывшими радужку глаз.

– У нас все в порядке... – пролепетала что-то совершенно бредовое невестка.

– Какое в порядке?! – прокричала возмущенно Полина. – Ты с ума сошла, Настя?! Я же слышу, как плачет Савва! Какого хрена? Что с Саввой? – чувствуя, как колотит набатом в ребра перепуганное сердце, ринулась на невестку Полина, пытаясь пройти в квартиру.

Но почему-то Настя ее не пускала, перегородив путь, не сдвинувшись с места, и повторила, словно находилась в каком-то трансе:

– Все нормально, Полина, все в порядке...

– Нет, не в порядке!!! – отчаянно, надрывно, захлебываясь слезами, закричал откуда-то из глубины квартиры Саввушка.

И следом за отчаянным криком ребенка за спиной у Полины Анна Захаровна проорала на удивление громким и низким баском:

– Алло! Полиция?! Тут ребенка убивают! Приезжайте немедленно!!!

– Настя, отойди! – глухим, безапелляционно-резким тоном приказала Полина, буквально отталкивая невестку с дороги.

Из гостиной выскочил Савва и пронесся по коридору, а пробежав мимо застывшей в дверях матери, устремился вперед, на лестничную площадку,

протягивая ручонки к Полине. И та склонилась, раскинув руки ему навстречу, и поймала, еще бегущего, в движении, прижала к себе и вдохнула-втянула его замечательный, все еще такой младенческий запах. Он вжался в нее, неожиданно крепко, с силой обхватив ручками-ножками, и, почувствовав, как дрожит всем тельцем малыш, Полина принялась гладить его по спинке, по голове, пытаюсь, как могла, успокоить:

- Все хорошо, малыш. Все в порядке. Мы со всем справимся.

- Я никуда не поеду! - захлебываясь слезами, прокричал ребенок куда-то в ключицу прижимавшей его к себе тетки. - Я не хочу уезжать! Не хочу!!!

- Конечно, не поедешь, - поспешила уверить Поля, все поглаживая и поглаживая его по спинке. - Кто ж тебя отпустит, ты нам самим нужен, такой прекрасный мальчик!

- Ребенка пытаются похитить! - вдруг громко прокричала Анна Захаровна за спиной Полины, заставив ту вздрогнуть от неожиданности, и принялась, четко выговаривая слова, диктовать адрес.

- Забери ребенка! - словно хлестнувший бич, пророкотал короткий приказ, отданный холодным, повелительным тоном. Незнакомый мужчина двигался странно-плавной, какой-то кошачьей походкой по коридору к замершей в проходе Насте.

- Не отдавай меня этому дядьке! - прокричал испуганно Саввушка и заплакал пуще прежнего. - И маму ему не отдавай!!

Повинуясь приказу мужчины, словно в трансе, Настя шагнула к золовке, взяла сына руками за бока и прошептала еле слышно, одними губами, глядя прямо в глаза Полине сумасшедше-испуганными глазами:

- Не отдавай, ни за что не отдавай, Поля... - И тут же громко, в голос, произнесла совсем иное: - Отдай Савву, Полина.

- Нет! - не отпуская полного ужаса взгляда Насти, ответила Поля, непроизвольно еще сильнее прижав племянника к себе.

– Забери ребенка, и уходим! – хлестнул новым приказом незнакомец, подходя к застывшим друг напротив друга девушкам.

– Нет!!! – прокричал малыш, покрепче обхватывая ручонками шею тетки.

– Что здесь происходит?! – прозвучал внезапно властно-громкий голос какого-то мужика, незаметно образовавшегося справа от Полины. – Вы кто такой? – потребовал он разъяснений, посмотрев с большим подозрением на незнакомца, стоявшего за спиной Насти.

– Михал Саныч, какой-то криминальный элемент пытается украсть мальчика! – мгновенно встряла со своими объяснениями Анна Захаровна, добавив: – Полиция уже едет, я вызвала! Вы же видите, Михал Саныч, это ж натуральный бандит. Еще и приказывает тут! – взбодрилась смелостью после появления нового персонажа соседка.

– Я спросил, что происходит? – повторил свой вопрос Михал Саныч.

Сосед Васи с Настей из квартиры справа, вдруг вспомнила Полина. Бывший какой-то чин на пенсии не то из МВД, не то из ФСБ или МЧС, не то из таможни. Полина не вникала, просто знала, что имеется такой вот сосед у ребят, ее как-то мало интересовали чины в отставках. Да и какая, по сути, разница, кто тот сосед, главное, что появился он весьма удачно и уж точно очень вовремя.

– Всё! – проигнорировав заданный ему вопрос и самого задавальщика, как не занятую ничем пустоту, отрезал незнакомец, снова стегнув-стрельнув властным голосом. Шагнул через порог, крепко ухватил Настю за локоть и, вперив взгляд в глаза Полине, распорядился: – Отдай ребенка, и мы уйдем.

Она прямо вот физически, всем напрягшимся в один миг телом, почувствовала, как он ментально, психически продавликает ее своей волей, заставляя подчиниться, исполнить отданный приказ, буравя тяжелым взглядом неправдоподобно синих, словно неживых, глаз. Взглядом, подавляющим всякое сопротивление и волю, способностью к противостоянию, вызывающим произвольный, какой-то животный страх, поднимающийся из глубин подсознания, и желание немедленно подчиниться и скинуть, скинуть с себя этот ужас.

Страшный взгляд беспощадного безразличия человека, для которого давно уже стерты всякие рамки, ограничения и запреты, а жизнь других людей не стоит даже воздуха, которым они дышат...

Жуть. словно ледяная, убийственно-запредельная чернота смотрела на Полину из бездны, как морок...

Но она стояла и держалась, сопротивляясь. Как? Бог знает, Полина не могла бы этого объяснить. От злости, наверное, что-то истинное, потаенное в ней воспротивилось этой черной воле, и, сцепив зубы так, что скулам сделалось больно, Полина смотрела в неживые синие глаза, не отводя взгляда, давая отпор чуждому нажиму и давлению, и чувствовала, как от невероятного напряжения сводит болезненной судорогой мышцы спины и катится между лопаток предательская струйка ледяного пота.

– Вы можете убираться куда угодно, – отчеканила севшим от напряжения голосом Полина. – Но Настя никуда с вами не пойдет!

И, продолжая смотреть в эти жуткие глаза, она ухватила невестку за руку и рванула к себе. Настя подалась вперед, но мужик держал девушку слишком крепко и был куда как сильнее – дернул ее обратно с такой силой, что та, не удержав равновесия, завалилась назад, прямо на него, выронив на пол какие-то документы и бумаги, что все это время держала в руке.

– А ну-ка, отпустил девочку! – прокричал Михаил Александрович и ринулся к мужику, попытавшись оторвать у того Настю.

Почти неуловимо, коротко и резко выбросив руку, незнакомец «встретил» соседа ударом в солнечное сплетение, как только тот оказался рядом, – и с такой силой, что мужчина, страшно захрипев, сложился пополам, рухнул на колени и как-то замедленно-неотвратимо завалился на бок, падая на пол.

На противно-высокой ноте истерически заверещала Анна Захаровна, Саввушка громко, испуганно закричал, удерживаемая мужиком за локоть Настюшка все барахталась, пытаясь встать ровно, Полина же, одной рукой прижимавшая к себе племянника, другой продолжала тянуть Настю к себе, а где-то совсем близко слышался вой полицейской сирены...

И над всем этим бардаком вдруг пророкотал спокойный и уверенный голос незнакомца. Будто оглашая приговор к повешению, он пообещал Полине, с холодной усмешкой посмотрев ей в глаза:

– Еще встретимся...

Рывком вернув Настю в устойчивое положение, он поднял с пола рюкзак, стоявший все это время у его ноги (который, по всей видимости, принес с собой, когда вышел из квартиры, и на который, в пылу кипевших баталий и напряжения обстановки, никто из присутствующих не обратил никакого внимания), закинул лямку на плечо, повелительно дернул Настю еще раз и потащил за собой, торопливо сбегая по ступенькам вниз.

– Саввушка, я тебя люблю! – прокричала отчаянно Настя. – Я тебя очень люблю, сынок! – И издала непонятный горловой звук, словно ее заткнули ударом.

– Мама-а-а-а! – забился на руках Полины ребенок, подавшись всем тельцем к лестнице, туда, где бежала, заплетаясь ногами, увлекаемая чужой страшной волей Настенька. – Мама-а-а-а... – захлебывался он слезами.

Спрессованные в один сгусток времени и действий события произошли настолько ошеломляюще неожиданно и стремительно, что никто ничего толком не успел сообразить, и, конечно, никто даже не подумал кидаться вдогонку убегающему бандиту, чтобы освободить Настеньку.

Полина прижала одной рукой покрепче к себе заходящегося в истерике племянника, шепча ему на ушко что-то успокоительное, обещая наказать дядьку и вернуть маму, а второй, ходящей ходуном от адреналина, суетливо-бестолково ковырялась в сумочке, каким-то чудом не упавшей во время баталий с ее плеча. Наконец смогла нащупать и достать смартфон. И с какой-то непереносимой, раздражающей сложностью непослушными, негнущимися, неуклюжими пальцами, с попытки третьей, наверное, все же сумела найти в списке последних звонков номер брата.

– Поль, что? Только коротко, – отозвался недовольно Василий.

Он всегда ужасно досадовал и злился, если ему звонили во время работы, искренне полагая, что любая бытовуха незначительна по сравнению с его

погружением в разработку программы, что отвлекать его от этого – конкретное кощунство, близкое к чистому злу.

– Вася, приезжай немедленно домой, – отчеканила сипевшим после жесткого противостояния с бандитом, пережитого страха и напряжения голосом Полина. – У нас беда. Настю похитили, Саввушка со мной, но ужасно напуган.

И сразу прервала разговор. Вдохнула глубоко, задержала дыхание, выдохнула продленно. Чуть подкинув вверх, перехватила тяжеленького Савву поудобней и снова попыталась хоть немного успокоить малыша.

– Не плачь так сильно, Саввушка, а то разболеешься. А тебе никак нельзя болеть, мы же обязательно найдем и спасем маму и накажем этого дядьку. Надо только, чтобы ты так не боялся и не плакал, а помог нам в этом деле. Ладно? – говорила она и гладила, гладила успокаивающе ребенка по голове, по спинке.

– Ла-а-адно, – прерывисто-истерично всхлипнув, ответил малыш и кивнул.

– Вот и молодец, – похвалила его Поля и уже гораздо спокойней и расторопней, чем с номером брата, отыскала в списке телефонов номер мамы и набрала его.

– Полиночка... – радостно-приветливо начала говорить Елизавета Егоровна.

– Мам, у нас беда. Все живы и здоровы, но Настю похитили. Приезжай к Васе домой... – И, как в случае с братом, сразу же отключилась, не отвечая на тут же посыпавшиеся вопросы перепуганной мамы.

Подумала пару секунд, посмотрела за распахнутую в глубь квартиры дверь, в которую отчего-то не могла заставить себя войти, – вот не могла, и все! Словно ее не пускала какая-то сила, или запоздалый, неосознанный страх, или... да, блин, какая разница!

– Анна Захаровна, – обратилась Полина к женщине, суетившейся вокруг Михаила Александровича, лежавшего скрючившись на боку, на полу площадки, прижимая руки к пострадавшему от удара животу, – вы полицию точно вызвали?

– Конечно, – уверила соседка. – Вы разве не слышите сирену? – Она кивком указала на подъездное окно между площадками.

Да, сирена не выла, а уже орала где-то совсем рядом, действительно, как Поля могла не обратить на нее внимания! «И как это они так быстро прикатили, практически сразу после звонка Анны Захаровны?» – промелькнула мимолетно, не задержавшись, мысль.

Задумавшись на пару мгновений, Полина смотрела остановившимся взглядом на документы, валявшиеся на краю лестничной площадки и на верхней ступеньке, которые выронила Настя. И в этот миг ей вдруг почудилось, что беспорядочное, брошенное состояние важных и ценных бланков, паспортной книжки и каких-то еще бумаг окончательно утверждает и закрепляет бесповоротную неотвратимость пришедшей к ним беды. Будто какая-то беспощадная роковая бомба взорвалась, разрушая их дом и всю их жизнь, от которой остались лишь ошметки в виде раскиданных документов, потерявших теперь всякую свою ценность.

Она вздохнула с сожалением, понимая, что с малышом на руках, вцепившимся в тетку как в единственный надежный якорь в море его страха и не желавшим отпускать Полину ни на секунду, у нее никак не получится собрать документы. Выдохнув, с силой покрутила головой, скидывая неуместную в этот момент задумчивость, пытаясь сконцентрироваться на решении первоочередных вопросов, хотя бы на время выставить мысленную преграду от той самой накрывающей их беды, которую уже чувствовала всем своим существом.

– Анна Захаровна, – обратилась она к соседке, – соберите, пожалуйста, документы.

– Да-да, Полиночка, сейчас, – засуетилась женщина, подивив своим неожиданным, можно сказать, прямо-таки сердечным каким-то расположением.

Но и об этом Полина подумала мимолетно, лишь зафиксировав сам факт необычности, удививший ее, и, тяжело вздохнув, набрала номер экстренной службы сто двенадцать. Дождавшись довольно быстрого ответа оператора, четко и ясно пояснила ситуацию:

– Девушка, мне надо две «Скорые помощи». У нас ребенок, переживший тяжелый стресс, очень напуганный и находящийся в истерике, и мужчина, получивший серьезный удар в область солнечного сплетения. Пожалуйста, как можно скорей, надо успокоить малыша. – И продиктовала адрес.

Последующие несколько часов растянулись для Полины в один сплошной, изматывающий, сюрреалистический перформанс, в котором разные люди – незнакомые, знакомые и родные, сменяя друг друга, крутились перед ней бесконечной вереницей, словно в хороводе, громкими голосами задавая множество вопросов, ожидая и требуя каких-то ответов на них. А параллельно с этим мельтешением ей приходилось решать свои рабочие вопросы и насущные бытовые проблемы.

Первыми появились, понятное дело, представители полиции в составе старшего лейтенанта и парочки сержантов с автоматами, сирена автомобиля которых переполошила всю округу, вызывая жгучее любопытство соседей и прохожих, а огни «люстры», так и продолжавшей вертеться, освещали пространство у подъезда сине-красным мельканием.

Боевитые, вооруженные автоматами ребята, совсем немного запоздавшие к разгару основных событий только лишь потому, что преступник оказался осторожен, расчетлив и весьма расторопен, были вполне вежливы. А когда немного отдышавшийся к моменту их прихода Михаил Александрович, уже не лежавший, а сидевший на полу, вытянув ноги и привалившись спиной к стене, представился служивым людям и показал какие-то «корочки» своей бывшей принадлежности к силовым структурам, так стали еще и весьма доброжелательны.

Узнав, что произошло похищение женщины и покушение на жизнь ребенка, они попросили Полину не входить в квартиру, пока ее не осмотрит оперативная группа с экспертом, которых они сразу же вызвали.

Ну, надо так надо, вздохнула обреченно Полина, но стоять и дальше с ребенком на руках никаких сил у нее уже не осталось. Наладилась она было устроиться-усесться прямо на ступеньках лестницы, но Михаил Александрович, которому помогли подняться с пола сержантики, поддерживая под локти, остановил сей ее порыв.

– Нечего вам, Полина, на лестнице торчать, идите ко мне, располагайтесь, где вам будет удобно, – указал он подбородком на распахнутую дверь в его квартиру.

– Спасибо, – с благодарностью приняла Поля весьма своевременное приглашение.

И, не дожидаясь «транспортировки» полицейскими в квартиру самого хозяина, опередив их процессию, Полина зашла в первую же по коридору комнату, удачно оказавшуюся гостиной, и обессиленно плюхнулась на диван. И только тогда, устроив на коленях не собирающегося с ней расставаться ни на миг, продолжавшего крепко обнимать за шею Саввушку, она почувствовала, как от предательской слабости дрожат ноги и ноют сведенные от напряжения и пережитого стресса судорогой мышцы спины.

Прибыли медики «Скорой педиатрической помощи». Саввушку, с появлением врачей пуще прежнего прижавшегося к тетушке и в категорической форме отказавшегося отпустить ее, доктору все же удалось осмотреть и получить от малыша ответы на вопросы о его самочувствии. О самом происшествии доктору вкратце поведал один из сержантов, который и направил бригаду медиков в квартиру Михаила Александровича. После осмотра врача и долгих уговоров Савва согласился вытерпеть два «малю-ю-юсеньких, как комарик» укольчика и стойчески их перенес под тетушкины ободрения и уверения в его необычайной смелости.

Сообщив, что госпитализация ребенку не требуется, и посоветовав все же сводить мальчика на прием к невропатологу в ближайшее время, медики убыли.

Ей позвонили с работы, и только в этот момент, глядя на номер, высветившийся на экране смартфона, она вспомнила о своих непосредственных профессиональных обязанностях, о назначенных на сегодня встречах и переговорах. Торопливо ответив на звонок одного из руководителей «Центра» и распрощавшись с тем, она набрала своего непосредственного начальника и уведомила о форс-мажоре, в котором оказалась, кое-как отбредавшись от уточнений и пояснений ситуации.

Договорив, Полина откинула голову на спинку дивана, прикрыла глаза и постаралась хоть немного расслабиться и посидеть в тишине, которую не

нарушал прижимавшийся к ней притихший Саввушка. Но, направленный тем же сержантом-«регулирующим», дежурившим на лестничной площадке, в комнату ворвался взволнованный до невозможности Василий. С ходу схватив с колен сестры на руки сынишку, он сразу же принялся строгим тревожным тоном задавать ей вопросы.

– Да что ты меня спрашиваешь?! – не выдержав, взорвалась Полина, остужая напор брата. – Откуда я знаю, кто это был и почему он был? Вот ты знаешь? – наехала она на него.

Вася посмотрел удивленно на сестру, явно оторопев от такой отповеди, и пожал плечами, мол, нет, не знаю.

– Вот и я не знаю, – так же внезапно, как вспыхнула, остыла в момент Полина.

А что она могла ему ответить?

От необходимости делать над собой усилие и прямо сейчас пытаться объяснить что-то, непонятное ей самой, Полину на короткое время освободили медики второй бригады «Скорой помощи», приехавшие к Михаилу Александровичу.

А прямо следом за ними принеслась запыхавшаяся, взъерошенная, перепуганная до невозможности Елизавета Егоровна. Тут же выхватила из рук Василия внука и обрушила на ребенка всю свою любовь-беспокойство, перемежая поминутное расцеловывание малыша тревожными восклицаниями, грозящими перейти в слезы.

И минут через десять после явления любящей бабушки, завершая вереницу экстренно прибывающих граждан, появились оперативники с криминалистом и следователь из Следственного комитета.

И когда им разрешили и даже попросили пройти в квартиру, уже осмотренную и проверенную полицейскими и экспертом, взявшим у Васи, Поли и Елизаветы Егоровны отпечатки пальцев, Полине пришлось подробно отвечать на вопросы следователей. А после помогать им спешно расспросить Саввушку о том, что произошло в квартире. Перекочевав с отцовских рук на колени сидевшей за столом тетушки, мальчик уже заметно клевал носом и позевывал, поскольку вместе с успокоительным ему вкололи и легкое снотворное, начавшее

действовать.

– Мы ждали тетю Полю, я даже помогал маме на стол все нужное ставить, – рассказывал Саввочка следователю, надо отдать должное, весьма грамотно строившему беседу с малышом. – А потом позвонили, мама сказала, что это тетя Полина, и открыла.

И, видимо вспомнив что-то важное, призадумавшись ненадолго, Саввушка принялся объяснять дяде следователю со всей старательностью ребенка, повторяющего накрепко заученное наставление взрослых, поглядывая при этом на папу, который одобрительно кивал его словам, поддерживая малыша – мол, молодец, сынок, все правильно запомнил.

– Папа не разрешает просто так открывать, надо в глазок посмотреть и спросить, кто там, и вообще не открывать, пусть сначала позвонят на телефон и скажут, что пришли. – Мальчик задумался на пару секунд и внес дополнение к вышесказанному: – И зачем. Но это же тетя Полина была, мы же ее ждали, мама и открыла. А там совсем не она, а страшный дядька этот... – От воспоминаний у него тут же задрожал подбородочек и глаза наполнились слезками.

– Тихо, тихо, сынок! – Вася забрал ребенка у сестры, сел рядом за стол, усадив того к себе на колени, и принялся покачивать и успокаивать: – Все плохое прошло, и бояться больше нечего. Ты расскажешь про этого дядьку и поможешь нам маму найти. Все хорошо, не плачь. Видишь, мы тут все с тобой, и я, и тетя Полина, и бабушка. – Он вытер со щечек сынишки вырвавшиеся слезки и спросил осторожно: – И что этот дядька сказал?

– Дядька не сказал, – покрутил отрицательно головой малыш, готовый в любой момент снова дать слезу, – это мама сказала: «Вы кто?» и «Вам кого?»

– А что дядька в ответ? – мягким голосом, легко, располагаяще улыбаясь ребенку, осторожно поинтересовался следователь.

– Я не слышал, мама сказала, чтобы я шел в комнату играть, я и пошел.

– А дядя с мамой?

– А они там что-то говорили. А потом мама зашла в комнату, где я играл, достала из коробки всякие документы, которые у нас там лежат. Потом взяла меня так... – он обхватил свое личико ладошками, показывая, как его взяла мама, – и сказала, что этот чужой дядька хочет нас забрать к себе, но я должен громко кричать, что не хочу идти, и звать на помощь, убегать и прятаться от него, если смогу. А когда придет тетя Полина, бежать прямо к ней и никуда от нее не уходить. А еще мама сказала, что любит меня и я самый смелый и самый лучший на свете сынок... – хлюпнул он слезливо носиком и снова задрожал подбородочком.

– А дядька тебя схватил? – предотвращая грозящий вот-вот разразиться слезный поток, торопливо спросил следователь.

– Ага, – кивнул Савва, временно позабыв, что наладился поплакать, – он зашел в комнату и говорит: «Все, уходим», а мама сказала, чтобы он уходил сам, а нас оставил в покое, тогда он меня ухватил вот так... – и показал, как преступник схватил его за плечико, – и сказал маме, что она знает, что со мной случится, если она не пойдет. Тогда я закричал громко-громко, что не пойду никуда, как и говорила мама, а дядька приказал ей меня успокоить. Но я кричал и кричал, и тогда в дверь позвонили. Я снова кричал, а он меня опять ухватил и как тряхнет сильно, и сказал, что голову мне свернет. – Саввочка все-таки заплакал, вспомнив тот страшный момент, но рассказывать продолжил, не сбился: – Мама его опять просила нас не трогать и уходить, а он сказал ей, чтобы она открыла дверь и прогнала тетю Полину. А я же знал, что это тетя Полина пришла, она же стучала и громко кричала, чтобы мама открывала, и ее не прогонит никто и никогда вообще, – объяснял малыш.

Следователь кинул короткий взгляд на Полину, усмехнулся и снова обратил все свое внимание на мальчика.

– Мама пошла открывать, а этот злой дядька меня держал, а я все равно закричал, что у нас все плохо. Он меня так больно дернул, а я его укусил, прямо вот так, – и он показал произведенный укус на отцовской кисти, – только сильно-сильно. А он обозлился, заругался и хотел меня ударить, только я испугался очень и как отпрыгнул, и побежал. А потом меня тетя Полина поймала и уже никому не отдала.

– Понятно, – вздохнул следователь и похвалил ребенка: – Ты большой молодец, Савва, и очень смелый мальчик.

– Только я очень сильно испугался, – признался малыш и вдруг спросил, заставив стусеваться всех взрослых, с надеждой посмотрев на следователя: – А мамочка когда вернется?

– Идем, я положу тебя спать, – разбивая повисшее неловкое, бессильное молчание взрослых, преувеличенно бодро предложила Полина, забирая ребенка у Василия, – а то ты уже совсем засыпаешь. А я с тобой посижу рядом.

И заговорила-заговорила особым тихим голосом и ласковыми словами, забалтывая, отвлекая и уводя ребенка от грустных и тревожных мыслей.

После долгих протокольных опросов всех участников – Полины и соседей – следователи наконец уехали, Саввушка давно спал, а они втроем – мама и Вася с Полиной – долго сидели в кухне за столом, пили чай, съели бесподобный капустный пирог, что приготовила Настюша, и все больше молчали, ни словом, ни намеком не коснувшись происшествия. Словно опустошились до дна за этот бесконечный вечер, в круговерти вопросов, изводящих своей безответностью, не имея больше никаких душевных сил что-то еще обсуждать, не зная и откровенно не понимая, что вообще можно говорить в данных обстоятельствах.

Правда, Полина, уйдя в прихожую, громким шепотом, чтобы не потревожить Савву и не услышали Вася с мамой, пыталась объяснить Александру по телефону то, что случилось, старательно избегая деталей и подробностей, о чем настоятельно попросил их всех, даже потребовал следователь. Дорогой друг и любимый мужчина негодовал и дулся обиженно, не скрывая своей досады, поскольку сорвалась их запланированная на сегодня встреча, а он готовился, старался и даже стол накрывать собирался, в том смысле, что заказать доставку из их любимого ресторана. А тут нате вам, у подруги форс-мажор и она даже не подумала предупредить заранее, что встреча отменяется. И мало того, не хочет толком объяснить, что ж такого невероятно страшного у ее родственников там случилось, что не позволяет ей приехать к нему.

И Полина снова шептала что-то уговаривающее и даже почти извинялась, дабы не нагнетать, и к концу разговора как-то все-таки смогла вывести их беседу на мирный лад и тепло попрощаться.

Разумеется, Полина с мамой остались ночевать с Саввушкой и Васей, словно сплотились в один кулак, при этом каждый из них неосознанно, подспудно, не

признаваясь друг другу даже намеком, все же надеялся на... на что? На чудо, наверное, и каждый думал, ожидал, отводя друг от друга взгляд, чтобы не выдать этой своей робкой надежды: вдруг это страшное, дикое недоразумение и этот бандит просто перепутал и захватил не того человека, не ту, намеченную им, жертву? Ну а вдруг? Ведь может такое быть? И тогда Настюшка вернется...

Вот прямо сейчас? Или ночью, или утром...

Чуда не произошло.

С этой дикой, совершенно нереальной, какой-то киношной истории, из разряда тех, что в размеренной жизни обычных людей никогда не происходят просто потому, что не могут произойти, и был дан старт повалившимся на семью и Полину неприятностей и катастроф.

Утром, встретившись на кухне, взрослые старательно скрывали от Саввушки мрачность и нерадостные мысли, накрывшие всех троих. Не сговариваясь, они преувеличенно бодро и оттого неестественно-фальшиво разговаривали с малышом, старательно обходя его прямые вопросы на одну-единственную тему:

– А где мамочка? А когда она вернется?

Выносить взгляд распахнутых детских глазюшек, смотревших на взрослых с надеждой и ожиданием чуда, и ощущать свое полное бессилие... это ужасно.

И Полина с Василием, торопливо затолкав в себя завтрак, позорно бежали каждый на свою работу, оставив разбираться с внуком, с его тревогами, страхами и ожиданием мамочки Елизавету Егоровну, вынужденную руководить своими делами, что называется, на удаленке.

Вася позвонил Поле ближе к обеденному перерыву, перепугав ту до заколотившегося набатом сердца своим неожиданным вызовом хотя бы потому, что вообще редко звонил родным, а уж в рабочее время и подавно.

– Что, Вася?! – почти прокричала она от испуга и дикой надежды в трубку. – Настя нашлась?

– Нет, не нашлась, но меня почему-то вызывают в Комитет.

– В какой комитет? – опешила Полина, не врубившись, вот так, с ходу, не сумев совладать с колотившимся сердцем и окатившей волной тяжелого разочарования.

– В какой, в какой! – раздражился брат и растолковал: – В государственный! В ФСБ.

– А туда-то зачем? – растерялась даже как-то Поля.

– Ну откуда я знаю! – горячился Вася. – Вот, вызвали, сейчас поеду. – И спросил совсем другим, тревожным тоном: – Может, это с Настей связано как-то?

– А может, с твоей работой. Вот и узнаешь, – отчего-то, в противоположность брату, успокоилась в момент Полина. – Иди. Вечером поговорим.

– Да, вечером, – согласился рассеянно он, явно уже занятый какими-то своими мыслями.

А вечером...

Мрачный, озабоченный чем-то до невозможности, погруженный в какие-то явно непростые размышления, Василий пришел поздно, минут за пятнадцать до того момента, когда Саввушке следовало отправляться спать. Мама было сунулась к сыну с вопросами, как только открыла дверь, но Вася покрутил головой и отмахнулся, останавливая ее нетерпение, указав кивком на бежавшего к нему со всех ног по коридору Савву.

Конечно, Савка сразу же повис на отце и потребовал, чтоб именно тот укладывал его в постель и непременно читал книжку перед сном, и все заглядывал беспокойно в лицо отца, вцепившись и не отпуская его ладонь, словно боялся, что папа тоже может исчезнуть непонятно куда, как пропала страшным, необъяснимым образом его мама.

И, разумеется, Василий укладывал сына, что-то рассказывая тому тихим голосом, и читал книжку, а Полина с мамой изводились в это время, строя страшные

предположения по поводу такой Васиной мрачности, то и дело прерывая, останавливая жаркий шепот друг друга, в момент выдвижения очередной ужасной версии начиная повторять мантру про «все будет хорошо».

– Ну?! – воскликнула мама, едва дождавшись, когда сын войдет в кухню, ставшую для них троих за эти сутки семейным военным штабом. – Тебя вызывали из-за Насти?

– Да, – кивнул он, изможденно опустившись на стул.

– Ну не тяни ты, господи, Вася! – не выдержала напряжения Елизавета Егоровна, в сердцах отчитав сына: – Так же с ума можно сойти! Что с ней?!

Василий посмотрел на мать странным, задумчивым взглядом и, решительно выдохнув, хлопнув ладонью по столу, резко поднялся со стула.

– Знаете что, – распорядился он, – давайте-ка сюда ваши телефоны! – И предупредил готовый сорваться недоуменный вопрос мамы: – Так надо.

– Ну, надо так надо... – всмотревшись в его лицо, не стала спорить Елизавета Егоровна, взяла со столешницы свой смартфон и протянула сыну. – Надеюсь, ты объяснишь эту необходимость.

– Мам, – попенял ей Вася, забирая телефон и у сестры, и вышел из кухни, осторожно затворив за собой дверь.

– И что это, как думаешь? – спросила мама у дочери.

– Судя по всему, конспирация, – предположила Полина.

– Да ладно, – высказала сомнения мама, – что ж теперь, и ноутбук с телевизором конспирировать где-нибудь, типа последователи теории заговоров утверждают, что через них нас всех прослушивают и подсматривают.

– Правильно утверждают, уж поверь мне, – уверил Василий, вошедший в этот момент, плотно прикрыв за собой дверь, – но поскольку у нас на кухне нет компов и телика, то можем беседовать спокойно.

- Вась, ну что за ерунда? – недоуменно попеняла ему Елизавета Егоровна.

- Да не ерунда, мам, – плюхнувшись на стул и устало вздохнув, ответил Вася. Помолчал, перевел дыхание, потер ладонями с силой лицо, словно пытался содрать с него усталую тяжесть, и повторил: – Не ерунда. Теперь нам троим надо постоянно контролировать свои слова-разговоры, выкладываемые видосы и переписку в Сети. Впрочем, вам завтра все подробно объяснят, а я уже дал подписку о неразглашении.

- Кому? – испуганно-недоуменно спросила Елизавета Егоровна. – Какую? Зачем?

- Сядь, мам, – попросил каким-то потухшим голосом Вася.

Дождался, когда не сводившая с сына тревожного взгляда мама опустится на стул, посмотрел на сестру, словно ждал от той поддержки – а наверное, и ждал, – вздохнул, перевел взгляд обратно на мать и пояснил:

- Тебе Полина сказала, куда меня вызвали?

- Сказала... – протянула растерянно та, – только...

- Да, – пресек ее восклицания, недоумения и вопросы Вася, – в ФСБ. И не просто в ФСБ, а в Отдел по борьбе с терроризмом.

- С каким терроризмом?! – не удержалась от удивленного восклицания Полина.

- С мировым, – хмыкнул саркастически Вася. – Ну, может, он как-то иначе официально называется, не суть. Но это реально контртеррористический отдел. – И сделал зверски-предупреждающую мину, когда Елизавета Егоровна дернулась было, заспешив задать очередной вопрос.

Не-не, показала мама жестом, не спрашиваю, молчу – и показательно «застегнула» рот на молнию.

- Так вот, со мной общались два мужика, – продолжил объяснения Вася, – как-то там представившиеся для проформы, причем мы все втроем понимали, что для

проформы и ненастоящими фамилиями-именами. – Он усмехнулся, припомнив, видимо, какой-то момент той беседы. – И от этого моего понимания реалий у нас с ними сразу наладился нормальный контакт и диалог. Так вот, дело о похищении Насти передано им, поскольку они предполагают, что ее похитил бывший муж. Вернее, не предполагают, а уверены в этом.

– Подожди! – воскликнула мама, мгновенно позабыв о почти клятвенном обещании молчать. – Но Настенька же говорила, что он умер?

– Да, она была в этом уверена, – кивнул Василий. – Точнее, о его смерти ей сообщили служащие этой самой конторы.

– Тогда он что, получается... – распахнув глаза от обжегшего предположения, испуганно посмотрела Елизавета Егоровна на сына, не в силах даже произнести это слово.

– Да, мам, – покивал нерадостно Вася, подтверждая ее подозрения. – Первый муж Настеньки оказался членом одной из самых крупных и известных террористических организаций, запрещенных в России.

– Боже мой, – не сводя потрясенного взгляда с сына, протянула Елизавета Егоровна, непроизвольно прижав пальцы к губам.

Полина, в отличие от мамы, не испытала ошеломления от новости. Она до сих пор не избавилась от пережитых в момент противостояния тому мужику чувств и ощущений, каждый раз предательски подсасывавших где-то в районе холодеющего солнечного сплетения, когда мысленно прокручивала те события в голове, гоняя так и эдак, спрашивая себя, могла ли она удержать Настю, спасти, и боясь ответить себе утвердительно. Потому Полина где-то на подсознательном уровне предполагала и даже ждала чего-то такого. Ну не мог быть простым, банальным бандюганом этот человек, не с такой силой личности, уровнем властности и энергией мысли – нет, не мог.

О своем первом муже Настя вспоминать не любила, стараясь не касаться и всячески избегать этой темы вообще. Но, припомнив то небольшое, о чем, пусть скупое, но все-таки поведала ей невестка, Полина уточнила:

– Насколько я помню, как рассказывала Настюшка, она же вышла замуж совсем молоденькой, и они прожили вместе очень недолго, всего, по-моему, несколько месяцев, а потом этот муж вроде как пропал без вести и где-то там умер?

– Именно так, – подтвердил Василий. – Пропал он около десяти лет назад. А когда Настя подала заявление о его розыске, тогда и выяснилось, вернее ей разъяснили, что он принадлежал к этой самой организации и принимал непосредственное участие в подготовке теракта в Москве. Безопасники отслеживали участников группы и арестовали в день, на который было намечено проведение этого акта. Задержали всех, только бывшему мужу Насти удалось вырваться и скрыться каким-то образом. Причем он был тяжело ранен во время задержания, как потом, только через несколько лет, выяснилось. Поскольку он был не рядовой исполнитель, а принадлежал к числу руководителей среднего звена организации, то ему были известны адреса других ячеек в Москве, по одному из которых он и пришел. Ему оказали медицинскую помощь, снабдили новыми документами и через свои каналы помогли уехать в Турцию. Ну а из Турции он переправился в Сирию без всяких сложностей.

Василий замолчал, переводя дух, снова устало-замученным движением потер ладонями лицо и посмотрел на потрясенных, обескураженных новостями женщин.

– М-да, – тяжело вздохнув, протянул он, заставляя себя вернуться к рассказу. – Разумеется, Настюха понятия не имела, кем на самом деле является ее муж, и не подозревала ни сном ни духом. Это неопровержимый факт, доказанный фээсбэшниками. Она была просто выбранной и намеченной жертвой террористов для одной из их банальных схем: молодая девчонка, москвичка, живущая в трехкомнатной квартире в хорошем доме, недалеко от центра города, – весьма удачное приобретение для их деятельности. И не только ее жилплощадь, но и сама Настя была ценным приобретением для их интересов и планов: типичная русоволосая славянка, отличная мать для будущих воинов и верных дочерей их организации. И пофиг, что живет она не одна, а с родственниками, это не имело никакого значения – жертва выбрана и уже назначена, а мешающие осуществлению плана факторы легко устраняются при необходимости. Влюбить в себя молоденькую, не знающую жизни девчонку мужику на пятнадцать лет старше, профессиональному агенту-диверсанту, обученному в том числе приемам манипуляции с сознанием людей, не стоило никаких особых усилий. И, когда они поженились, он сразу же начал обработку Настюшки, выковыывая из нее ярого адепта и приверженца истинной «веры», как у них это принято. Да

только не довел обработку и до половины, поскольку ему пришлось срочно сваливать за границу. Все это Насте объяснили и растолковали, предъявив неопровержимые данные принадлежности ее муженька к определенной организации и занимаемого статуса в ней. Понятно, что Насте он представлялся под другим именем, которых у него немало, как и вполне себе надежных, настоящих, легальных документов на эти имена. По совету и при помощи сотрудников конторы Настюшка подала в МВД заявление о розыске мужа, а через год они же помогли ей оформить официальный развод с ним. Ну а еще где-то приблизительно через год ей сообщили, что, по их сведениям, ее бывший муж погиб.

– Почему она нам ничего не рассказала обо всем этом? – с явной обидой в голосе недоумевала Елизавета Егоровна, все еще не отошедшая от потрясения.

– Потому что не могла. Она дала очень серьезную подписку о неразглашении, – растолковал Вася. – Поскольку любые сведения и все, что связано хоть в какой-то степени с терроризмом, подпадает под гриф секретности и не подлежит разглашению. Да и зачем ей лишний раз ворошить ту историю и тяжелые воспоминания? Ей было всего восемнадцать лет, ну влюбилась девчонка, ну вышла замуж, три месяца прожила с мужем в полном наиве, да еще мама погибла накануне их свадьбы. Ты представляешь, что она тогда переживала? Наверняка же он стал для нее опорой и поддержкой в тот момент и замутил девчонке голову конкретно, быстро и четко, по проверенной уже не раз схеме манипуляции разумом. И вот, когда он пропадает, вдруг выясняется, что ее муж на самом деле не любящий и заботливый мужчина, а известный террорист, который намеревался обобрать и использовать ее самым страшным образом. Ты представляешь, что ей пришлось тогда пережить? Какое потрясение и разочарование?

Вася оборвал себя, резко втянув воздух, задержал дыхание, медленно выдохнул и, немного успокаиваясь, вяло махнул, закрывая тему:

– Забыла – и слава богу, и хорошо, что забыла. Умер и умер.

– Выходит, не умер, – заметила, задумавшись, Полина.

– Вот именно! – воинственно воскликнула мама, встряхнувшись возмущением. – Десять лет прошло, зачем она ему сейчас-то понадобилась?

– Да все за тем же! – раздражился Василий. – Включи логику, мам. За тем, что этим сволочам требуется захватить все, до чего они могут дотянуться! Потому что они используют любые возможности и шансы для укрепления своей организации! – как-то резко, в один миг захлестнуло его негодованием. – Потому что она все еще молодая женщина и может родить много славянских детей, которых воспитают бойцами-диверсантами, а девок продадут задорого, чтобы те, в свою очередь, рожали белобрысых детей. Потому что эта квартира так и принадлежит только Насте, а захватив еще и Савку и шантажируя, обещая насилие, пытки-издевательства и убийство ребенка и Насти, они еще и стряснут с меня, по ходу, все, что только возможно! Потому что я буду исполнять все их требования, все! – прокричал он придушенно, вынужденно сдерживая рвущийся из него дикий, бессильный крик, чтобы не разбудить, не растревожить Саввушку. – Буду исполнять! – повторил Василий, захлебываясь бессильной яростью. – До последнего надеюсь спасти их обоих! Ее спасти!

Резко подскочив со стула, так, что тот отлетел в сторону и грохнулся спинкой на пол, в два стремительных шага он подскочил к окну, дернул ручку стеклопакета, распахивая створку на всю ширь. Нервно-судорожно вдохнув-втянув в себя морозный воздух, положил ладонь на глаза, с силой вдавив большим и средним пальцами виски, и пообещал, наверное, самому себе:

– Я этих сук достану... достану... Я им Настьку не отдам...

Обескураженные, захваченные врасплох внезапным и настолько страстным взрывом эмоций обычно всегда спокойного, рассудительного, где-то даже флегматичного Василия, Полина с мамой, замерев, смотрели на него оторопело-испуганно, только в этот момент осознав всю глубину и ужас пришедшей в их семью трагедии.

– Как, сынок? Как достанешь... если тут такое?.. – прошептала потрясенно Елизавета Егоровна, снова прижав пальцы к губам, и расплакалась.

Он повернулся, посмотрел на нее каким-то бездонным взглядом, словно за пару этих минут прогорел внутри в пепел, присел, оперся на край подоконника, не замечая, как поток ледяного ветерка раздувает рукава его рубашки, и объяснил уставшим, потухшим тоном:

– Мы договорились о плотном сотрудничестве с контрразведчиками в поиске Насти. Поскольку у меня весьма востребованная специфика деятельности и самая серьезная мотивация в этом деле, то, возможно, наше сотрудничество и будет плодотворным.

– Почему возможно? – спросила мама как-то беспомощно-потерянно, с тревогой посмотрев на сына.

– Да потому, что меня не посвятили в детали этого дела по ее бывшему мужу, и понятно, что и не посвятят, поскольку это напрочь закрытая инфа. И как можно что-то делать и копать, когда ни фига не знаешь?! Как слепой и глухой биться башкой в стену! – возмутился Василий.

– Так, – произнесла деловито Полина. – Давайте-ка оставим эмоции и попробуем спокойно подытожить и систематизировать имеющиеся факты.

– Ну, давайте, – резко вздохнув-выдохнув, остужая себя, измученно усмехнулся Василий.

– Первое, – начала перечислять Полина, разжимая пальцы, – Настю похитил ее бывший муж, оказавшийся террористом. Второе... – И запнулась, посмотрев вопросительно на брата. – Уточни один момент. Если я правильно поняла, этот хрен не какой-то рядовой там солдат, а боевик-управленец среднего руководящего звена или, скорее всего, за десять-то лет уже приподнявшийся до высоких позиций в организации.

– Как всегда, схватываешь самую суть, сестренка, – похвалил Вася совсем уж утомленным голосом опустошенного от моральной, да и физической заодно усталости человека. – Да, как объяснили мне парни, он занимает высокий статус в организации.

– Вот, – удовлетворенно кивнула Поля. – Из чего я делаю вывод, что в Москве он объявился не ради Насти, внезапно, вдруг, аж через десять лет вспомнив о бывшей жене, а за каким-то совсем иным интересом. А она так, легкий побочный заработок по ходу какой-то иной, гораздо более серьезной операции террористов. А посему, думаю, искать его станут с особым тщанием и рвением. А это значит, что у нас есть вполне обоснованная и реальная надежда, что Настеньку удастся найти.

– Найти-то да, только... – Не договорив фразу, Василий осекся и, выпрямившись, резко развернулся к распахнутому окну.

В кухне повисла гнетущая, настороженная тишина. Они отлично понимали, что стоит за этим его «только» – что сделают с Настей к тому моменту, когда ее найдут, если найдут, и будет ли она вообще к тому моменту... оставят ли ее в живых...

– Слушайте! – осенило вдруг Полину неприятно-пугающей мыслью. – Савва сказал, что пришел незнакомый дядя и мама спросила, кто он такой. То есть Настя его не узнала, видимо, он сильно изменился. Получается, что мужик этот ужасно прокололся, потому что уж я-то его очень хорошо разглядела и запомнила, да и соседи тоже. И даже если он весь из себя такой крутой диверсант и конспиратор, что прямо остался незамеченным на всех видеокамерах наблюдения в городе, мы-то сможем дать его подробное описание и составить его точный портрет.

– Обязательно, – захлопнув и закрыв створку, подтвердил Василий, повернулся и посмотрел на сестру. – Непременно дадите в ближайшее же время, поскольку вас уже завтра вызовут в Комитет. И подпишете бумаги о неразглашении сведений. Думаю, не надо повторять еще раз и объяснять, что теперь за нами всеми установлено наблюдение, а все наши гаджеты поставлены на прослушивание. Будет отслеживаться и проверяться каждый человек, вступающий с нами в контакт, даже продавщицы вашего любимого магазина здорового питания. И твой Александр в том числе, – произнес он с доступной ему при столь измотанном состоянии легкой иронией, посмотрев на сестру.

– Ему не понравится, – расстраиваясь заранее, констатировала Поля, тяжело вздохнув.

– Это вряд ли, – усомнился братец. – Оповещать Александра о происшествии никто не намерен, более того – прошу тебя ничего ему не рассказывать, даже намеком, – предупредил Василий, акцентируя голосом свою просьбу, скорее похожую на требование.

– Но почему? – без всякого энтузиазма довольно вяло возразила Полина. – Его надо предупредить или хотя бы намекнуть. При том положении и должности, которые он занимает, Александру необходимо знать, что за ним установлена

слежка, пусть и из самых наилучших намерений поиска террориста. Через него же проходят серьезные сделки, а люди, с которыми Александру приходится общаться по бизнесу, сплошь властно-богатые господа, исключительно VIP-уровня, в том числе и олигархи, и чиновники высшего звена. Ты представляешь, если кому-то из них станет известно о прослушке, проверке и слежке, которой они подвергаются из-за него и из-за нас. Фигово станет всем.

Сама тут же красочно представив и оценив возможные последствия такого развития событий и мысленно содрогнувшись, Полина подчеркнула:

– Очень-очень фигово. Еще, не дай бог, начнут мешать следствию. К тому же, если ты помнишь, Александр мой жених и уже практически твой родственник и член семьи.

– Да как тут не помнить, – криво-нерадостно, явно делая над собой усилие, чтобы выразить мимикой эмоцию, ухмыльнулся Василий, – ты ж не дашь забыть о наступающем на всех нас «счастье». – И, посмотрев в глаза сестре, произнес с нажимом: – И все же, Поля, ставить в известность Александра о том, что у нас произошло, нельзя. Да и компетентные ребята запретят тебе это делать. А что касается его клиентов-партнеров и прочих «крутышей» безмерных, то для ребят из «контртеррора» любые регалии глубоко пофиг, все это знают и вступать с ними в диспуты-противостояния боятся до оторопи. Ничего, походит твой любезный под наблюдением, может, еще сильно удивишься, узнав много чего нового про будущего мужа. И, кстати, мам, – напомнил он Елизавете Егоровне с сожалением, – Юрия Александровича посвящать в ситуацию тоже нельзя, поскольку он пока не член семьи.

– Да поняла уже, – расстроено махнула рукой мама и вздохнула. – Получается, что вовремя Юра уехал детей навестить, не придется ни о чем умалчивать. Хотя Юра не Александр Полинин, ему я могу правду сказать, что запрещено обсуждать и распространяться о Настином деле. Он поймет.

– Да, – поддержал маму Вася, – дядь Юра мужчина грамотный и серьезный, он поймет. – И, со всей очевидностью окончательно исчерпав остатки сил и любые возможные морально-волевые резервы, Василий протяжно выдохнул и объявил закрытие «кухонного совета»: – Все, женщины, на сегодня мы обсуждения закончили. Что мог, рассказал и объяснил, даже сверх того, что полагалось и разрешили вам донести. Но завтра утречком вас обеих «подпишут» на предмет сохранности гостайны, так что не страшно. А теперь отбой. Мне надо хоть

немного поспать. Я зверски вымотан и просто вырубаясь.

Полина была оглушена ясным осознанием реальности, какой-то неправдоподобной, дикой ситуации и беды, в которой они оказались. Да еще – пропади оно все пропадом! – во всю ширь присущего ей красочного, творческого воображения представляла себе, как может издеваться над Настюшкой эта сволочь. А еще того пуще, с замирающим от одного только предположения сердцем, что мог бы он сотворить с Саввушкой, окажись ребенок в его руках... И не могла не то что заснуть, а хотя бы немного успокоиться, перестать дрожать телом, мыслями и расслабиться – ну не могла, и все.

Она и валерьянки с мамой на пару хлопнула-приняла перед тем, как отправиться в постель, и то прикрикивала мысленно на себя и запрещала, то уговаривала выкинуть из головы пугающе-яркие страшилки, вызывающие поток неконтролируемых, текущих безостановочно слез, когда представляла, какой ужас, унижение, а возможно, и боль испытывает сейчас Настюшка. Полина все повторяла и повторяла, что ей потребуются физические силы и чистый, холодный разум, для того чтобы с полной отдачей принимать участие в поиске Насти, а для этого требуется отдых телу и уму, поэтому немедленно спать, спать, спать...

Да сейчас! Какое там спать. Стоило хоть немного уговорить-успокоить себя, «выключить» и выкинуть наконец «ужастик» про Настю и Саввушку с мысленного «экрана», как, без всякого ее разрешения на то, нагло и своевольно влезли в разум и принялись донимать тревожные мысли об Александре и о запрете брата посвящать того в случившееся с ними бедовое происшествие. И тут же с таким трудом освободившуюся от предыдущих страховок голову заполнили новые тревоги, красочно рисуя варианты всяческих возможных последствий, когда Александр все-таки прознает об установленном за ним контроле фээсбэшников.

Но больше любых возможных неприятных разборок с женихом, случись-таки конфуз обнаружения Александром слезки, Полину пугала необходимость вообще что-то ему говорить при встрече. А ведь рассказывать придется, невразумительным мычанием и ссылкой на какую-то ерундовую причину и форс-бог-знает-какой-мажор, вынудившие Полину не прийти на запланированное свидание, она не отделается. И поскольку ничего объяснить невозможно даже приблизительно, то придется что-то сочинять и выдумывать.

А вот это сплошная засада и чистое попадалово!

Ибо врать Полина Павловна Мирская не умела напрочь. Ну не предусмотрела природа-мама такого навыка и хотя бы малого умения житейской изворотливости для этой девочки, посчитав, видимо, что и тех достоинств, которыми она ее наградила-одарила, вполне достаточно.

Нет, привирать или придумывать какие-нибудь оправдания-отговорки сотворенных ею неблагоприятных деяний Полина пробовала, разумеется, ну а как без этого, и не раз.

Такое вообще реально в жизни – не врать вообще?

Особенно в детстве и особенно когда у тебя имеется старший на десять лет брат, идеальный кандидат, на которого можно легко и радостно сваливать любую вину за большинство проступков и проказ, с учетом того, насколько сильно тот любил младшенькую сестрицу, баловал ужасно, всегда и везде защищал от всех напастей и готов был прикрывать любые ее проделки.

Красота, правда? Не всем так везет. Ага, щаз-з-з-з...

Нет, готов-то он был готов – и принимал на свою головушку вину и ответственность за сестренку Поленьку в любой ситуации, тут уж ничего не предъявишь, что было, то было, но иногда родители уточняли у дочери:

– Поля, Вася на самом деле разбил вазу?..

...Или обрезал ножницами все листья и цветы на бабушкином каланхоэ? Отобрал у девочки Лизы лошадку во дворе? Испортил мамину косметику? Разрисовал стены в родительской спальне? Засунул в унитаз рукавички, чтобы проверить, смое ли их вода? И так далее, так далее по широкому списку «деяний» очень неугомонной девочки с весьма ярким и буйным – как нынче принято называть, креативным – воображением...

После такого вопроса Полина тут же заливалась тяжелым болезненным румянцем, дико как-то, до самых ушей и корней волос, до наворачивающихся мгновенно слез, прятала-отводила взгляд, смотря куда угодно, только не на

вопрошающего родителя, и принималась лепетать нечто настолько невразумительное и откровенно фальшивое, что дальнейший допрос-опрос не имел уже ровно никакого значения за очевидным и неоспоримым уличением в свершенном деянии истинной «преступницы».

Сколько неприятнейших и ужасных ситуаций, между прочим, должных бы сильно негативно повлиять на неустойчивую детскую психику, пришлось пережить Полине из-за этой своей гадской неприспособленности ко всякого рода вранью и изворотливости в подростковом возрасте! Да не перечить. Вы себе представляете жизнь девочки в пубертатный период с неспособностью юлить и привирать хоть немного?

Хоть немного! Ну хоть чуточку? Даже не врать, а не говорить правду, когда спрашивают? Жесть полная.

Однозначный кандидат в вечные изгои и отверженные. Очевидно же, что никаких друзей-подруг при такой оригинальной способности, или скорее неспособности, у этого ребенка быть не должно, это ж «находка» для взрослых – бесплатный стукач из разряда «укажи на зачинщика».

Но нет, как ни удивительно, но ничего подобного с ней не произошло и отвергнутым «лебедем» в среде ровесников Полина не стала. Может, потому что училась в хорошей гимназии с гуманитарно-художественным уклоном, где у нее сложились прекрасные отношения с одноклассниками. Объединенные одинаковой тягой и интересом к литературе и разным направлениям искусства, ребята, будущие художники и литераторы, стали довольно близкими друзьями.

Поля решила эту проблему просто: когда будущие одноклассники впервые встретились и познакомились друг с другом в новом классе первого сентября, она сразу же предупредила всех о своей нестандартной своеобразной особенности. И месяц подряд, практически каждый день, покатываясь от смеха, ребята ставили над ней эксперименты на тему: «Полина, соври».

Ничего. Отсмеялись, привыкли и приспособились как-то коммуницировать. Впрочем, большинство ее одноклассников, помимо основного, школьного образования, занимались дополнительно еще и в других школах. Некоторые, как Полина, сразу в двух: в музыкальной и художественной, кто-то в литературных классах при университете, а кто в танцевальных студиях, так что не до особых

злодейских проказ этим детям было, да и до простых, бытовых и мелких обманов тоже: пойдите попробуйте поучиться по десять часов в день, обалдеете гарантированно.

В Художественном институте имени Василия Ивановича Сурикова, куда Полина поступила после школы, неумение девушки прибрехивать и изворачиваться вообще перестало быть для нее такой острой проблемой. Во-первых, потому, что, немного повзрослев, Полина как-то незаметно переросла неприятную особенность настолько сильно заливаться болезненно-мучительным стыдливым огнем, и если уж доводилось ей попасть в подобную ситуацию, то теперь, обдавая внутренним жаром, вспыхивали румянцем лишь ее щеки да наворачивались слезы на глаза, и то ненадолго.

Надо сказать, что за всю учебу случилась с ней такая «румяная» незадача всего единожды, и то не потому, что она неосмотрительно что-то наврала или оправдывалась, а по той лишь причине, что стало Полине ужасно стыдно за откровенную брехню другого человека – парня, с которым она находилась в тот момент в близких, романтических отношениях. Кстати, именно после этого случая они и расстались.

Училась Поля на факультете теории и истории искусств с большим удовольствием и рвением. Нравилось ей все, чем она занималась, до невозможности, так нравилось, что за всю институтскую учебу она не пропустила ни одного занятия, даже если болела простудой или гриппом, то, укутываясь в шаль и шарф, прихватив с собой лекарства и термос с горячим напитком из шиповника и травок, притаскивалась на лекции.

Ну и вторая причина того, что все пять лет Полину не беспокоила нестандартная особенность ее организма: из-за столь серьезного увлечения учебой и погружения в предмет ни в каких шпаргалках и подсказках на экзаменах она не нуждалась и, как следствие, необходимости в чем-либо оправдываться и изворачиваться не испытывала.

Так и отучилась в радость, получив прекрасное образование искусствоведа, специализируясь в основном на классическом реализме в искусстве, с упором на русское изобразительное искусство. И по окончании учебы сразу же устроилась работать, но – увы, увы – ни разу не искусствоведом. Такого «добра» в городе Москве и без Полины Мирской было полно и еще вагончик, с не менее прекрасным образованием, давно, плотно и основательно уже заполнились все

хорошие, правильные и «хлебные» места. А Полина... Быстренько пройдя спецкурсы, она получила статус экскурсовода и начала водить группы экскурсантов по самым известным и топовым улицам-домам, площадям и паркам нашей столицы.

Та еще работенка, надо сказать, жесть откровенная, если честно.

Ну, во-первых, люди, они вообще-то попадаются разные. Понятное дело, что экскурсионные мероприятия редко посещают конченые пропойцы с наркоманами, бомжи, хулиганы и оголтелые рецидивисты, честно сказать, никогда. Но от этого нисколько не легче, ибо людей с разного рода особенностями и вывертами психики-характера, дурного, задиристого нрава и чрезмерного гонора среди потока экскурсантов хватает, и с большим избытком.

И когда у тебя – невзирая ни на какую погоду, бесконечные изводящие муторные пробки, случающееся порой плохое самочувствие и трудное настроение, – по четыре-пять, а иногда и шесть дней в неделю экскурсии, а с людьми (и каждым неадекватом, обязательным порядком присутствующим в любой группе) приходится работать, сглаживая острые моменты, при этом не забывая улыбаться, излучать оптимизм и демонстрировать практически фанатичную любовь к тому предмету, который ты освещаешь... В таких условиях оставаться «нежной розой» и милой романтической девушкой, не обрастая циничной коркой защиты, практически невозможно.

Но при всех трудностях и сложностях для Полины работа на улицах Москвы стала серьезной психологической школой жизни и очень многому, реально многому научила. В первую очередь общению и коммуникации с разными, даже очень сложными, а порой и вовсе психически не сильно здоровыми людьми. Своеобразный тренинг, в результате которого алое полыхание ее щек, вспыхивавших всякий раз в ситуациях вынужденного пусть не обмана, а, скажем так, недоговоренности или сокрытия фактов, уменьшилось до вполне приемлемого покраснения, заодно выработав и закрепив новый навык-умение: красиво «съезжать» с неприятной и мутной темы.

Если честно, Полине работа нравилась, серьезно, какой бы трудной и тяжелой она ни была, заставив повзрослеть как-то незаметно быстро, приобрести философский взгляд на жизнь, в чем-то даже помудреть. А сколько интереснейших деталей, подробностей, нюансов и тайн про родной город она узнала за это время, сколько потрясающей «городской» литературы и архивных

данных изучила, сколько сделала открытий, готовясь к экскурсиям, разрабатывая новые маршруты и добывая исторические факты...

Но, несмотря на весь свой глубокий интерес к московской истории, на все приобретенные навыки и знания, на свое «вращение в реальную жизнь», как назвала становление и приобретаемую мудрость дочери мама, при первой же возможности Полина, не задумываясь ни на минуту, променяла городские «покатушки-походушки» на экскурсии по главным галереям и выставочным залам Москвы.

Вот это уже было абсолютно ее дело! Ее до нутра, до полного, радостного погружения.

Понятно, что в каждой уважающей себя галерее имеются свои штатные экскурсоводы и проводники-искусствоведы, но Полина проводила индивидуальные экскурсии с небольшой группой людей – с друзьями-приятелями, собравшимися компанией в несколько человек, или с семьями от детей-малышей до бабушек-дедушек, с супружескими парами или не супружескими, но тоже парами, или с коллегами, проводившими корпоративный или частный досуг подобным образом, или вовсе для одного человека.

Но в любом случае, кто бы ни были ее клиенты или клиент, все они, без исключения, относились к числу весьма обеспеченных граждан, ибо неспешное, продуманное и детальное посещение музеев и художественных выставок, рассчитанное на несколько дней, в сопровождении индивидуального экскурсовода, – мероприятие весьма и весьма недешевое.

Получить такую «шоколадную» работу в условиях жесткой столичной конкуренции в искусствоведческой среде было делом практически невозможным. Ну а как вы думали – все в рамках борьбы за лучшую жизнь и приличный заработок.

Но Полине помогло протезирование давней подруги бабушки Анфисы, сын которой занимал весьма высокий пост в Министерстве культуры. К этой подруге самым беззастенчивым образом обратилась за помощью Елизавета Егоровна, уставшая наблюдать, как выматывается морально, душевно и физически, порой до серьезного истощения, накручивая экскурсионные километры по городу, дочь, частенько просто приползая домой и засыпая чуть ли не в прихожей.

Бывало и такое.

Сын бабушкиной подруги не подвел маминых ожиданий и надежд и помог. Где-то через полгода после обращения к нему, когда внезапно освободилась прекрасная вакансия, сразу же пристроил, вернее спустил указание в известное крутое-дорогое экскурсбюро: принять на это место Полину Мирскую.

Понятное дело, что, имея своих кандидатов на такую должность, в бюро Полине не обрадовались, но против одного из помощников министра и его прямых «просьб» в виде распоряжения не попрешь. К тому же барышня в совершенстве владела английским, с хорошим лондонским произношением, но могла и американским сленгом шпарить при необходимости, да и предмет свой знала великолепно, не придерешься. К тому же морально-нравственные характеристики выше всяких ожиданий, а для фирм подобного уровня, обслуживающих весьма непростых и богатых людей, это имеет большое значение.

Так что стараниями мамы, подруги бабушки и помощника министра уже через неделю после того, как уволилась с «уличной» работы, Полина вышла на новое место своей трудовой деятельности. Несколько неприятных моментов с коллегами пережить ей таки пришлось, но Поля восприняла все эти подставы, наезды и «выдавливание» как неизбежные притирки, а поскольку прошла суровую школу городского экскурса, смогла дать весьма достойный отпор и с подчеркнuto холодным безразличием выйти из каждой такой ситуации, спровоцированной сослуживцами.

Ну а что вы хотели? Как известно каждому биологу, внутривидовая борьба за жизнь самая жесткая и непримиримая по сравнению с любой межвидовой конкуренцией.

Ничего, бог бы с ними, прорвалась. Не без потерь и бессильных обидных слез в подушку от нечестной игры и несправедливости, но выстояла, а вскоре от нее и вовсе отстали, смирились, наверное, да и нашли иной предмет для коллективной травли, неприятия и открытого буллинга – новую руководительницу, назначенную хозяевами бюро.

Работала Полина с душой, в радость, тщательно-старательно готовясь к каждой экскурсии, к каждому посещению галерей и выставок. Намечала наиболее

выдающиеся произведения, которые будет показывать, того или иного художника, скульптора, мастера. Находила разные интересные факты про жизнь и творчество их создателей, «зависая» часами в архивах и библиотечных запасниках, читая воспоминания современников, разглядывая атласы художников, слушая аудиозаписи лекторов-искусствоведов, просматривая старые документальные фильмы по искусству.

Погружалась с головой, словно плыла в теплом, сверкающем море, испытывая настоящее эстетическое удовольствие от дела, которым занималась.

Повезло. Ничего не скажешь. Но однажды...

Как много всего – хорошего, плохого-страшного, счастливого и радостного, но всегда судьбоносного – начинается у людей с этого слова «однажды». Или заканчивается...

Вот так однажды ее попросили провести трехдневную индивидуальную экскурсию совсем не по той тематике, на которой она специализировалась. А именно – по самым известным выставкам, галереям, частным клубам, квартирникам и мероприятиям Москвы, на которых было представлено современное искусство: авангард разного направления, инсталляции, перформансы и артхаусное кино. Одним словом, все, что только есть значимого и востребованного в современном искусстве андеграунда, представленное в Москве.

Ничего себе задачка. И с какого перепуга она-то, даже растерявшись от такого задания, с недоумением поинтересовалась у руководства Полина. Есть же в их бюро сотрудники, специализирующиеся конкретно по этому направлению.

– Они хотят именно вас, – с явным недовольством и полным неодобрением данной инициативы клиентов прояснила новая директриса бюро. – Они брали две ваши экскурсии по разной тематике, галереям и разным художникам и, видимо, настолько впечатлились, что хотят, чтобы именно вы ознакомили их с современным искусством столицы.

– И кто это «они»? – уточнила заинтригованная Полина.

– Кирен и Гордев, – отрезала холодно начальница. И поджала губы, словно ей нанесли личное оскорбление. А бог знает, может, так оно и было.

– О как... – поразившись до глубокого изумления, протянула Полина.

Тут вот в чем интрига: несколько лет назад некая группа известных российских деятелей культуры объявила с высокой трибуны на телевизионные камеры всех ведущих каналов страны, собрав журналистов и корреспондентов, о выдвинутой ими инициативе создания некоего «Центра современного актуального искусства» и о грандиозных задачах, который тот ставит перед собой.

Постулирующей идеей необходимости возникновения данного предприятия объявлялась возможность предоставления любому современному талантливому деятелю изобразительного искусства из любой точки России, хоть из деревни Закрючные Холмы где-нибудь в сибирской тайге, продемонстрировать свои работы широкой публике, выставляя их аж в самой Москве, в чем и собирался им всячески помогать и способствовать этот самый создаваемый «Центр».

Такая вот глобальная задумка. Скажем прямо: откровенно утопическая идея из области нереального фантазирования. Кто-нибудь хоть приблизительно представляет себе, сколько в России тех самых деятелей изобразительного и уж тем паче актуального, как было заявлено в названии, искусства? А сколько из них мечтают выставляться в Москве, даже без учета дарований из Закрючных Холмов? То есть масштаб потока этих творцов-ходоков представили?

Моисей со своими евреями отдыхает, ей-богу.

А объемы работ, которые художники-соискатели и иже с ними скульпторы, прикладники – типа стеклодувов, гончаров, резчиков по дереву и так далее – будут предоставлять для отбора некой комиссии специалистов? Да они погребут под собой тех специалистов, на фиг, на глубину Марианской впадины в океане.

И тем не менее, не обращая внимания на любые высказанные общественностью вполне обоснованные сомнения по поводу столь неоднозначной инициативы, «Центр» был зарегистрирован и открыт в кратчайшие сроки с поразительной быстротой и без каких-либо проволочек.

Чудо чудное. Небывальщина для российских-то чиновников.

И скорость продвижения проекта от озвученной идеи до перерезания ленточки на входе здания, где расположился «Центр», вызвала естественное подозрение, практически сразу ставшее доказанным фактом, прошелестевшим по всей «медийке» благодаря дотошным журналистам-расследователям.

Из их доказательств следовало, что данный проект возник не сам по себе и не по инициативе якобы равнодушных деятелей отечественной культуры. Он был продвинут неким американским Фондом развития современного искусства, обозначенным во всех уставных документах «Центра» двумя основными пунктами, напечатанными самым мелким, нечитаемым шрифтом, как «тесная кооперация с иностранными инвесторами», на самом деле и являющимися главными затейниками этой самой кооперации. То есть, по сути, читай: руководителями и интересантами. Что следовало понимать совершенно однозначно: некие иностранные, европейско-американские деятели заходят в Россию с очередным своим масштабным культурным проектом.

И даже невзирая на этих самых солидных и расчетливых забугорных «кооператоров», культурная общественность двух столиц однозначно пророчила новоявленному «Центру» полное фиаско и профанацию деятельности, обмениваясь в соцсетях домыслами и догадками, под какого конкретного художника или группу художников создали этот самый «Центр» и какое течение, какую очередную «демократичную» «красоту» хотят протащить и внедрить в культурное «облако» страны его организаторы.

Но, на удивление, ни один из прогнозов и ни одна из догадок общественности не подтвердилась, по крайней мере напрямую. «Центр современного актуального искусства», в который со всей страны ручейками начали стекаться всевозможные художественные произведения вместе с их авторами, под бесконечные разговоры о демократических культурных ценностях и свободе самовыражения, подвел таким образом платформу под основную идею своей благотворительной инициативы. А для отбора наиболее талантливых работ организовал комиссию, сплошь состоявшую из представителей так называемого либерального крыла деятелей культуры России.

Ну типа – свободу в массы. Или массам свободу?.. Или свободой по массам? Ну не суть, основная идея понятна.

Культурный бомонд снова дружно заперезживал и выдвинул очередной прогноз: все ясно, будет сплошной «хоровод» с «выходом вприсядку», ориентированный исключительно в сторону европейского либерализма. Ан нет, и здесь промахнулись – не настолько все было запущено, как ожидалось, и в Галерее, открытой при «Центре», вскоре начали демонстрировать работы кандидатов на гранды и материальную помощь, выставляя на удивление сильные, интересные работы без какого-либо «закоса» под демократичную «разнарядку» забугорного начальства.

И дело «Центра», при всей, казалось бы, утопичности его основной идеи, достаточно быстро наладилось, вошло в определенную колею, заняв свою нишу. Спустя непродолжительное время, довольно быстро перестав быть горячей новостью, он тихонько встроился в общую структуру культурной составляющей страны, перейдя в рядовое предприятие.

Понятно, что официальные российские руководители «Центра» были всем известны – на виду и на слуху, периодически мелькая на телеэкранах. И негласные западноевропейские и американские руководители тоже, но те практически не упоминались – ибо где они, а где мы, мало ли каких организаций и под какими фондами не открылось за последние годы в стране – в России же живем, чай, не в Америках. Но у всей этой истории имелись некие «закулисные кукловоды», скромно держащиеся в тени, за спиной всех официальных представителей – от российских до главных «иностранных инвесторов», уверенные, что об их существовании известно лишь малому кругу посвященных.

Ага. Наивные европейские дети. Это ж Россия, тут любой секрет, доверенный людям из власти, трущимся где-то рядом с первыми лицами страны, практически мгновенно становится предметом обсуждения так называемой элиты, а уж от нее туда – в народ. Оказалось, что забугорный фонд тоже не сам по себе появился, а был организован известным американским медиахолдингом, который и являлся истинным заинтересантом открытия в России «Центра современного актуального искусства». Собственно, именно он финансировал и фонд, и сам «Центр».

Вот такая у нас тут загогулина образовалась. Надо заметить, что «Центр» не единственный проект этого медиахолдинга в России, практически на его «окладе» числились некоторые ведущие оппозиционных и откровенно пролиберальных радиостанций, конкретные, известные певцы, блогеры, режиссеры и политические деятели. То есть та еще организация.

И представителями медиахолдинга, инициировавшими и отвечавшими за вхождение через фонд в Россию «Центра современного актуального искусства», и были Энди Кирен и Макс Гордев.

Зная историю создания и всю интригу вокруг организации «Центра», становятся понятны столь ошеломляющее недоумение Полины и нескрываемые неудовольствие и досада ее начальницы, явно имевшей виды и желание самой поработать со столь значимыми людьми.

Скажите на милость, на кой фиг этим Кирену с Гордевым понадобился серьезный, расширенный экскурс по представленному в Москве современному искусству, если бо?льшая его часть, собственно, и поставлялась в столицу через «Центр» и иные дочерние организации, курируемые их фондом?

Когда около месяца назад эта парочка оплатила серию экскурсий по ознакомлению с классическим, реалистичным художественно-изобразительным искусством, это было вполне объяснимо: все-таки огромное количество великолепных работ и произведений гениальных мастеров можно увидеть только в Москве. Нет, Поля, конечно, сильно впечатлилась тем, что люди такого уровня обратились за экскурсиями и именно ей выпало их сопровождать. Да и руководство не давало расслабиться, замучив проверками и наставлениями перед каждым их выходом на «маршрут», чтобы, не приведи боже, она как-то не опростоволосилась перед столь значимыми клиентами. Но сам факт их интереса к художественным достояниям столицы не вызывал у нее никаких вопросов и недоумений.

Но желание пересмотреть собственных протеже и весь андеграунд?..

Что-то в этом было неправильное.

Но они ей объяснили. На хорошем, родном для них английском языке:

– Мы хотели частным образом, не прибегая к помощи официальных представителей культуры вашей страны, глубоко и всесторонне ознакомиться с тем, как и в каких форматах представляют в Москве все течения и тенденции современного искусства.

– Это замечательно, – согласилась Полина с таким понятным желанием, но напомнила: – Но, как вы знаете, моя область – это классическое искусство, а в нашем бюро есть замечательные искусствоведы, специализирующиеся именно по современной тематике, с серьезными, глубокими знаниями этого вопроса. Я могу порекомендовать вам некоторых из них.

– Спасибо, – улыбнувшись, поблагодарил тоном отказа Энди Кирен, – но нет. Мы с Максом испытали прямо эстетическое удовольствие от вашей работы, Полина, нам очень понравилось то, как вы преподносите материал: ваш голос, манера передачи мысли, насколько глубоко вы погружены в тему. Мы понимаем, что вам необходимо время, чтобы подготовиться к осуществлению мероприятий по нашей заявке, но мы готовы подождать. Недели вам хватит?

Недели Полине было недопустимо мало. А что, есть такие, кто умудрялся за неделю разобраться, постичь и понять какую-нибудь область искусства? Назовите – она с удовольствием познакомится с таким оригиналом.

Но отказываться или капризничать у Поли не имелось никакой возможности, к тому же она все-таки не была полным профаном в этой области, в силу профессии многое зная по теме, и взялась за работу со всем энтузиазмом. Подняла все свои связи-знакомства в художественной среде, обратилась к друзьям и приятелям, имевшим прямое или хоть какое-то опосредованное отношение к современному искусству, к коллегам, работавшим по этому направлению в бюро, засиживалась ночами и изучала, изучала, изучала... А проведя первую экскурсию, всю последующую за ней неделю так и продолжила погружаться в предмет, готовясь к новым и новым показам-рассказам зарубежным «тайным инвесторам» «Центра».

Неделя закончилась, невероятно опустошив и вымотав Полину морально и физически. Кирен и Гордев поблагодарили и, выказав свое восхищение работой и профессионализмом девушки, презентовали коробку элитного швейцарского шоколада и отбыли в свои забугорные дали-свои. А Полина взяла недельный отпуск и укатила в старинный русский город – навестить любимую бабульку Василису, остановиться после невероятного «забега» по выставочно-галерейным и иным культурным местам столицы, подстроиться под размеренную неторопливость жизни бабули и отдохнуть от всего: от Москвы, от суеты, от людей и этого... блин, современного искусства во всех его ипостасях и проявлениях, порой отталкивающе-неприятных, будь оно не всегда ладно.

А когда вернулась в Москву и вышла на работу, ей неожиданно позвонил директор того самого «Центра современного актуального искусства» и предложил встретиться для важного разговора.

Ну вот, так и знала, вот чувствовала же, что эта жесткая гонка по андеграунду московскому и странный интерес тех двух господ к современному творчеству ей еще отзовутся и аукнутся.

С директором «Центра» Полина встретилась в элитном кафе, где, медленно, с чувством и явным наслаждением потягивая невероятно ароматный и невероятно же дорогой кофе из фарфоровой чашечки с золотистой каемочкой, вальяжный до невозможности, холеный, немного напыщенный и довольный собой и своей жизнью барин Игорь Вениаминович Крон сделал Полине Павловне практически непристойное предложение:

– Полина Павловна, я предлагаю вам работу в нашем «Центре», для начала в качестве помощницы одного из моих замов, возглавляющего нашу Галерею.

– Почему мне? – все же задала Полина вопрос, который от нее явно ожидали, хотя отлично представляла почему, откровенно не понимая при этом зачем. – Вам наверняка известно, что я специализируюсь на изучении иного направления в изобразительном искусстве?

– Это не имеет значения, – объяснил господин Крон и, недовольный тем, что кофе закончился, с досадой заглянул в чашечку на чернеющий на дне осадок. Отставил чашку и перевел взгляд на Полину. – Скажем так: вашу кандидатуру рекомендовали и одобрили.

– Понятно, – вздохнула она, мысленно скривившись.

Совсем ей не хотелось менять любимую работу, к которой прикипела душой, да и в этот «Центр» ей тоже не хотелось – ну не ценитель она так называемого современного искусства. Большинство его произведений и течений Полина искусством не считала, в том числе абстракционизм, авангардизм, модернизм, всяческие «арты», да и весь андеграунд в целом, не говоря уж про разного рода инсталляции, перформансы, артхаус и иже с ними.

Образованная и воспитанная, можно сказать вскормленная, на совершенно иной, классическо-реалистической художественной эстетике, она имела свою четкую позицию и личную теорию, доказывающую, что такого рода изображения не могут причисляться к области настоящего искусства, и кривилась всякий раз, когда кто-то с умным видом непререкаемого авторитета принимался разъяснять, почему «Черный квадрат» Малевича – это новое глубинное видение чего-то там не всем доступного.

Да? То есть изображенный на холсте, скажем, шишкинский «Лес», или «Девятый вал» Айвазовского, или «Лунная ночь на Днепре» Куинджи и любое произведение каждого из великих мастеров-реалистов, по исполнительскому мастерству, душевной и физической затратности, таланту и впечатлению, которое они производят на людей, сопоставимо с тем самым «Квадратом»?

Серьезно?

Ну, кому как, может, она чего не понимает, хоть и получила когда-то «отлично» по курсу того самого абстрактного искусства в университете, но крамольно не соглашалась с такого рода заявлениями и оценками.

– Единственное условие, – продолжил излагать пункты своего предложения Игорь Вениаминович тоном уверенного в ее согласии начальника, отвлекая Полю от невеселых размышлений, – для работы в Галерее вам необходимо получить образование маркетолога. Но учебу можно вполне совмещать с работой.

– Ну не знаю... – с большим сомнением протянула Полина, пытаюсь придумать, как бы отказаться от такой «заманчивой вакансии». Как-как – а вот так и отказаться. И, не разводя более лишних антимоний, призналась: – Я не ценитель, и вряд ли меня можно назвать любителем современного авангарда.

– Мне известно о ваших взглядах на изобразительное искусство и о вашей специализации, – как о чем-то раздражающе-незначительном упомянул директор «Центра», нехотя отмахнувшись от ее слов легким жестом, словно прогоняя глупую, назойливую пчелу.

И вот именно в этот момент он и озвучил ту самую «неприличную» часть своего предложения, назвав цифру полагающегося Полине ежемесячного оклада.

Где-то шах и даже немножко мат.

Трудно устоять перед соблазном. Охо-хо, ну очень трудно, когда мечтаешь о своей квартире, не потому что тебе с мамой плохо или трудно живется, а потому что своя-а-а-а... отдельная, а еще машинку давно хочется, а еще...

Полина согласилась.

Пыталась самой себе объяснить и оправдать принятое решение на протяжении всех десяти дней, понадобившихся ей, чтобы уволиться из бюро и уладить формальности по устройству на новом месте. И все уговаривала себя мысленно, приводя аргументы в защиту своего согласия: и что она все равно будет заниматься любимой профессией, и что большое количество современных живописцев и скульпторов работают в реалистичной манере и среди них есть очень и очень талантливые, и что... и так далее, так далее.

И в первый же рабочий день на новом месте ужасно, прямо до навернувшихся слез расстроилась, пожалев и мысленно обругав себя за то, что, соблазнившись деньгами, согласилась на эту авантюру.

Все бы ничего, но вокруг сплошь абстракционизм, авангардизм и иже с ними. Нет, имелись и по-настоящему сильные и вполне достойные работы среди всего этого «изма» и «арта», несколько прекрасных пейзажей и портретов, выполненных в реалистичной манере, – было на чем глазу отдохнуть. Но...

Но от одной только мысли, что ей предстоит объяснять посетителям и потенциальным покупателям, что имел в виду автор, какую такую глубокую идею передавал, изображая хаотично пересекающиеся разноцветные полосы на холсте, и где тут «зерно мудрости» зарылось... Или вложенный другим автором скрытый смысл и откровенный протест инсталляции, в которой на пожарном щите закреплена дворницкая метла с воткнутыми в ветки цветами... От одной мысли об этом ей становилось тоскливо до невозможности, до такой глухой, темной безнадеги, что хоть вой.

Полина попыталась отыграть все назад и быстренько вернуться в родное экскурсбюро, написала заявление об увольнении, честно объяснив директору Галереи свои душевные сомнения, терзания и откровенное недоумение. Но место в бюро было уже занято новой сотрудницей, как говорят на Украине: «Не

будет эта Галя, будет другая», а директор, выслушав стенания новой сотрудницы, заявление порвал и временно определил Полину на административную работу, избавив от необходимости общаться с посетителями.

Тоска-а-а-а... Мама до-ро-гая, во что же она вляпалась?!

А когда Поля еще и в институт на заочное отделение по маркетингу в сфере культуры и искусства поступила, то загрустила всерьез, растеряв остатки всякого оптимизма. Это настолько было не ее, настолько не стыковалось с образом мыслей и внутренним миром, с интересами и направленностью профессионального и человеческого развития, что Полине казалось, будто ее жестко ломают, как застрявшее в воротах бревно.

В какой-то момент осознав, что постепенно скатывается в тяжелое уныние как предтечу реальной депрессии, когда уже не только работа и учеба, а все вокруг не радует, не доставляя ни малейшего удовольствия, Полина буквально волевым усилием, покрикивая и ругаясь, заставила себя встряхнуться и приняла такую установку: она изучает маркетинг как интересный предмет современной науки – и все, не более. Просто овладевает знаниями об одной из важных составляющих нашего мира, не собираясь применять эти знания в прикладном разрезе в дальнейшем.

То есть становиться настоящим маркетологом и продавать что бы то ни было ей не обязательно и вообще не надо, не ее это дело. И как-то так она себя уговорила-уболтала, что вскоре даже почувствовала настоящий интерес к предмету именно как к науке, которую осваивала.

Да и на работе дела постепенно начали налаживаться, уже не вызывая внутренней тоски и полного отторжения, особенно когда директор Галереи Генрих Артурович четко и доходчиво разъяснил Полине реалии: никому ничего впаривать и продавать от нее не требуется.

За те несколько лет, что существует, «Центр» давно уже обзавелся определенным и прочным кругом ценителей и любителей разных течений современного искусства и постоянными покупателями и заказчиками произведений в этой стилистике. И так же давно «облагодетельствовал» чуть больше двух десятков художников, выбрав их из непрекращающегося потока поступающих заявок, и они теперь постоянно выставляются и работают с

«Центром». Время от времени Галерея «разбавляет» выставки картинами и скульптурами каких-нибудь творцов не из основной «обоймы», порой даже очень удачно. Но в общем и целом костяк «друзей», потребителей-покровителей и «изобразителей» устоялся и всех вполне устраивает.

Полина вроде бы и выдохнула, освобождаясь от внутреннего напряжения и сомнений, но, с другой стороны, было в этом «распределении ролей» что-то гаденькое, что отторгалось нравственной шкалой ценностей ее натуры. Но отступить было некуда и пришлось приспособливаться к тем обстоятельствам, в которых оказалась.

Приспособилась и даже нашла для себя некую нишу: работала с «левыми», не из обоймы, художниками, упорно продвигая действительно прекрасные работы талантливых людей, по поводу чего Поле приходилось выдерживать целые словесные баталии с начальником.

Да и – тяжелый, покаянный вздох-выдох – деньги-деньги, которые пока никто не отменял, куда же денешься от их притягательности.

Особенно если помнить, сколько ей платили.

Незаметно, исподволь, под влиянием нового окружения, в котором приходилось работать, менялись взгляды Полины, житейские привычки, да и сама она вместе с ними. И уже старое любимое кафе, где давно знакомые официанты, отлично знавшие ее вкусы и предпочтения, практически на пороге встречали горячим кофе латте, именно таким, как она любит, в какой-то момент перестало соответствовать ее нынешнему уровню. И теперь деловые встречи и ланчи она проводила в другом, гораздо более дорогом и престижном заведении. И одевалась уже не в своих любимых магазинах пусть и известных, но не сильно дорогих массовых марок, а в бутиках, которые подходили ей по тому же самому, все растущему и крепнущему статусу и которые порекомендовала одна светская львица из числа постоянных посетителей и покупателей «Центра».

Поля проработала около двух лет в Галерее, пообтерлась, приспособилась к «биоценозу этого аквариума», как назвал инвесторов-покупателей и художников, постоянно сотрудничавших с Галереей, один из «пролетевших мимо» претендентов. Очень талантливый, к слову сказать, живописец и портретист. Очень. Но... неформат, не того течения-направления, которых

придерживается политика не только «Центра», но и фонда в целом.

Большая и болезненная для Полины тема – этот самый «неформат», отторгаемый «Центром». Именно из-за таких художников она ругалась с руководством до хрипоты, иногда аж до слез, отстаивая разных претендентов на продвижение, не подходящих под рамки требований, указывала и настаивала на неадекватности такой политики, позволяющей отказываться от реально сильных и мощных работ...

В основном все красноречие Полины уходило впустую, как вода в сухой песок, вызывая лишь недовольство и досаду у дирекции, но изредка ей удавалось все же добиться, чтобы в экспозиции вывесили хотя бы несколько работ тех мастеров, за которых она билась.

Ничего, она нашла иной путь, непростой и далеко не таких возможностей и масштабов, что предоставлял «Центр», но все же какой-то шанс для талантливых соискателей. А жизнь вошла в привычную колею, и Полина, если так можно сказать, даже сделала определенную карьеру – поднявшись с начальной позиции одного из числа помощников директора до заместителя, отвечающего за работу с художниками в выставочном процессе.

Полтора года назад взяла в кредит машинку, не новую, но в очень хорошем состоянии. Пусть пока и не премиум-класса, но ей не форсить, а ездить. А ездить приходится много и часто. Так что взяла.

И-и-и-и... не удержавшись от соблазна, заняв у мамы денег на первичный взнос, Полина осуществила-таки свою мечту, несколько месяцев назад приобрела квартиру в ипотеку. Скромную, но просторную и качественную однушку, пусть и в так называемом вторичном фонде, зато почти в новом, построенном шесть лет назад доме, в прекрасном, очень зеленом районе Москвы и не так уж и далеко от центра города.

Вообще-то мама отговаривала Полю от столь непростого шага в откровенную кабалу, приводя вполне весомые аргументы против. Например, тот факт, что недавно у Елизаветы Егоровны завязались романтические отношения и сейчас бо?льшую часть времени она проводит у своего кавалера. Вот и предложила дочери:

– Ты же еще кредит по машине не выплатила, куда тебе ипотеку-то сверху? Я тут практически не появляюсь, – перечисляла Елизавета Егоровна противоипотечные пункты, – раз уж тебе так припекло жить самостоятельно, я легко могу перебраться к Юре, тем более он настойчиво уговаривает и мы уже не раз с ним обсуждали такой вариант. Я перееду, обставишь все, как тебе нравится, с ремонтом поможем, и живи себе.

– А если вы поругаетесь и расстанетесь? – уже приняв решение, уперто стоя на своем, возражала Полина. – А я к тому времени привыкну жить одна и все под себя обустрою? Нет, это не вариант.

Конечно, не вариант. Какой это мог быть вариант, когда она, просмотрев с риелтором, наверное, больше двадцати предлагаемых на продажу квартир, уже выбрала жилье по душе: вошла, увидела и прямо влюбилась, точно чувствуя – вот она, ее «норка», ее место жизни.

Какая альтернатива? Да ну, бросьте.

Мама вздохнула, поворчала, но денег дала. Василий, кстати, тоже отговаривал от ипотеки, но Полю было уже не остановить, она вдохновилась идеей и думала только о том, как сама сделает и дизайн-проект, и ремонт, и все-все там сама обустроит, подберет интерьер и обставит – самым прекрасным образом.

Чем и занялась с большим энтузиазмом.

Именно в период ремонта-обустройства своей «норки», переживаний, связанных с воплощением дизайн-проекта, поиском и приобретением всяких нужных интерьерных вещичек, одним словом – в момент творческого процесса, в который Поля погрузилась с головой, и вошел в ее жизнь Александр.

Впервые Александр появился в Галерее в день открытия новой экспозиции. Он пришел в компании двух постоянных, очень важных-дорогих посетителей, не пропускавших ни одного светского мероприятия, проводимого «Центром», одних из самых выгодных покупателей-приобретателей художественных работ, проходящих через Галерею. И встретившей их Полине Александра представили как нового сотрудника холдинга.

Как позже выяснилось, только неделю назад Александр, которого переманили из известной крупной компании, занял пост одного из управляющих подразделением в структуре холдинга, далеко не среднего звена, а значительно, значительно выше – еще не топ-менеджера, но в полушаге от этой вершины. Двое его непосредственных руководителей и предложили Александру посетить вместе с ними выставку, да не просто так, а с весьма конкретной целью. Дело в том, что подразделению, которое возглавил Александр, выделили новое помещение под офис в одной из высоток Москвы-Сити, и руководство предложило ему самому, под свой вкус и предпочтения, подобрать живопись для интерьера коворкинга, которым сейчас занимались его замы с дизайнерами.

Господа обратились к Полине с просьбой оказать новому сотруднику всестороннюю помощь в этом непростом деле и порекомендовать работы художников.

Рекомендовать ей никого не хотелось, но отказываться, понятное дело, было никак нельзя, и Полина предложила компромисс: мол, вы, Александр, выбираете те работы, которые вам нравятся и подходят, а я помогу в организации сотрудничества с написавшим их мастером.

Ей было интересно посмотреть, что ему понравится.

Его выбор Полину удивил. Несколько очень сильных работ одной молодой художницы, выполненных в стиле импрессионизма, за возможность выставить которую, к слову сказать, Полина выдержала целую баталию с директором. И... как ни странно, несколько работ космической тематики, типа «образование сверхновой звезды» и так далее, что-то среднее между абстракцией и галактическим взрывом, но очень хорошо прописанных, с прекрасной, тонкой работой маслом.

И этот его выбор да и он сам заинтриговали Полину необычайно.

Александр вообще ей понравился с первого взгляда, да и со второго и третьего тоже: в нем не было никакой типичности представителей «менагеров» высокого звена, как нынче принято на английский манер с сарказмом определять деятелей этой сферы. Ни подчеркнутой напыщенности или преувеличенной деловитости, никакой плохо скрываемой дистанционности с людьми ниже их по социальному статусу, ни эдакого пренебрежительного налета брезгливости по

отношению к «плебсу», ни зашкаливающего преувеличенного самомнения.

За годы работы в Галерее Полина навидалась всякого, вынужденная общаться с подобного рода деятелями в избытке и даже с большим перебором. А как ведут себя известные эстрадные исполнители и деятели шоу-биза... это вообще за предел какой-то, там такое из этих «служителей муз» прет, уворачиваться не успеваешь. Не все, разумеется, но многие.

Впрочем, не об этом. Совсем не об этом.

Александр оказался невероятно притягательной личностью. Умный, без сомнения, талантливый в своей сфере деятельности, обладающий отличным чувством юмора и коммуникабельностью, он был позитивен, открыт к общению, улыбчив, прекрасный рассказчик, что с первой же минуты подкупало любого человека, вступавшего с ним в общение.

Он был легок и умел поддержать любой разговор, искренне внимателен к каждому человеку, с которым вел беседу, ему даже не требовалось прилагать усилий, чтобы понравиться или расположить к себе собеседника, – настолько он был раскован, что казался совершенно свободным от любых рамок и жестких условностей.

Обладая цепким умом и великолепной памятью, Александр запоминал всякие мелочи, упомянутые в беседе, казалось бы, вскользь, и умел приятно удивить, то что-то презентовав из того, что упоминалось мимоходом его визави, то помогая решить какую-нибудь незначительную проблему. К тому же, что покорило Полину не в последнюю очередь, Александр обладал хорошим художественным вкусом и в искусстве разбирался хоть и на уровне любителя, но весьма серьезного, а не поверхностного любителя.

Он был яркой, обаятельной, глубокой и многогранной личностью с весьма широкими взглядами. А если присовокупить ко всем вышеперечисленным достоинствам еще и неоспоримую мужскую привлекательность, высокий рост, спортивную фигуру, приятную внешность и явно высокий социальный статус, то понятно...

Конечно, Полина сразу же всерьез им увлеклась и даже, наверное, влюбилась – ну а как тут устоять? Особенно если учесть, что вся эта красота была

направлена и обрушена на нее с явной целью понравиться.

Ну да – влюбилась и запала. Что, впрочем, не помешало ей за всем этим великолепием обратить внимание на некоторые нюансы, скажем так, спрятанные за столь блестящим фасадом.

Например, Полю как-то неприятно шоркнуло, когда при знакомстве он представился:

– Александр Борисович. Можно просто Александр... – что вполне сошло бы за легкую шутку.

Ан нет, как позже выяснилось, господин менеджер ни разу не шутил и весьма болезненно реагировал и жестко одергивал, когда кто-то пытался обратиться к нему сокращенным именем, о чем несколько раз напомнил Полине, хотя она и не пыталась обращаться к нему как-то иначе.

Или его манера одеваться исключительно в известные, брендовые марки, всегда подобранные в тон-комплект, безукоризненно выглаженные и один наряд на один выход, дважды на неделе он никогда не повторялся в своих одеждах, даже если это были три выходных дня на природе. Он вообще с каким-то повышенным трепетом относился к вещам и своему внешнему виду. Мог ужасно расстроиться, если сильно помял или невзначай капнул даже простой водой на одежду, не говоря о чем-то более «криминальном».

Ну были, были еще моментики и несколько открывшихся черт характера, неприятно удививших Полю, но на фоне того яркого и замечательного, что проявлял и демонстрировал ей и миру Александр, все они казались настолько незначительными и ерундовыми, что Полина не акцентировала на них внимания, лишь отмечая про себя и не более. Да и не может человек быть безукоризненно прекрасен во всем – только, наверное, уже по пути в рай. А живой человек многогранен, и всякого неприятного добра в каждом из нас хватает.

С первого же дня знакомства они как-то сразу сдружились, Полина с удовольствием посмеивалась над острыми шутками и замечаниями Александра, хохотала над анекдотами, рассказанными им в великолепной артистической манере, заслушивалась его историями или глубокими рассуждениями о хорошо известном ему предмете. И как-то незаметно, за время процесса подбора картин

и оформления сотрудничества-договора с художниками, они удивительным образом довольно быстро сблизилась.

Александр пригласил ее в дорогой элитный ресторан отметить завершение сделки с Галереей, Полина приняла предложение. Они провели чудесный вечер в шикарном ресторане, долго и с удовольствием растягивая великолепный ужин, закончившийся прогулкой по центру Москвы. Увлечшись, Полина рассказывала Александру об истории домов, мимо которых они проходили, площадей и улиц, по которым шли. Стоял теплый июньский вечер, дул легкий ветерок с Москвы-реки, вдоль которой они неторопливо брели, придумывая и выдвигая разнообразные версии о том, как в этих старинных домах жили люди, что их тревожило и заботило, что радовало...

Плескалась вода, ударяясь в каменные бордюры, расходясь волнами от прошедших по реке катеров, пахло уже отгремевшей буйством роскошного цветения, последней, поздней сиренью и каким-то еще неуловимым, тонко-цветочным ароматом, и Полина, поймав удивительное состояние, когда становится вдруг так уютно, светло и радостно и так спокойно на душе, почувствовала себя совершенно очарованной этим вечером, этой прогулкой и спутником, сопровождавшим ее...

Настолько очарованной, что оказалась у него дома, в его постели.

Так у них начался роман.

Роман, который принято называть гостевым, когда двое живут отдельно, встречаясь несколько раз в неделю то у него, то у нее, зато светские мероприятия, посещения театров, выставок, концертов, друзей-приятелей, выходные за городом – все вместе. И, разумеется, отпуска.

Оба очень много работали, частенько возвращаясь домой ближе к полуночи совершенно измотанными, опустошенными трудным общением с людьми и уставшими, поэтому такой уклад встреч-свиданий и образ жизни был удобен и обоим вполне устраивал. В сентябре они провели потрясающий отпуск вместе, объехав, кроме Англии, практически всю Европу на машине, получив массу впечатлений, радостных, запоминающихся событий, да и вообще – им просто было здорово, комфортно и хорошо вдвоем.

А на Новый год Александр сделал Полине предложение, попросил стать его женой. И сделал это показательно-романтично.

Александр и трое его друзей, скинувшись, сняли на десять дней великолепное, очаровательное шале на одном из альпийских курортов Швейцарии. Просто чудо что за домик, с потрясающим видом на засыпанные снегом горы. Днем – невероятно голубое небо и слепящее солнце, а ночью – словно очерченные карандашом контуры белеющих вершин на фоне черного небосвода, переливающегося мириадами сверкающих звезд. Сплошной романти?к.

Аж дух захватывало смотреть на такую красоту!

Вот под красотой великолепия звездной морозной ночи за окнами, в тепле уютного шале, где потрескивали дрова в большом камине и ломился изысканными деликатесами стол, в первые минуты первого января Александр и устроил свой сюрприз-романти?к. Потребовав тишины и внимания, торжественно опустился на правое колено, протянув Полине открытую коробочку с кольцом, в котором блеснул, не уступая звездам в небе, бриллиант каких-то пугающе больших каратов, под аплодисменты, свист и радостное улюлюканье всей компании.

Полина ужасно не любила и всегда старательно избегала всякой показушности, игры на публику, исполнения никчемных, принятых и навязанных кем-то, как правило, совершенно чуждых нам ритуалов с одной-единственной целью – дабы разрекламировать в первую очередь себя, такого вот замечательного и смелого. Захваченная врасплох предложением Александра, она еле удержалась, чтобы не скривиться от чувства неловкости и досады.

Ей всегда казалось и думалось, что чувства – это материя тонкая, интимная, глубоко личная, не предназначенная для широкой демонстрации и чужих взглядов.

И ее первым естественным порывом было желание немедленно сказать четкое «нет». Наверное, от смущения и неловкости Полина предприняла не самую удачную попытку свести представление к шутке, пролепетав что-то там про «сюрприз-сюрприз». Но по тому, как напрягся стоявший перед ней на колене Александр, как предостерегающе сверкнули его глаза, поняла, что каким-то образом он уловил ее сомнения, душевные метания и чуть было не сорвавшиеся

слова отказа. И Полина заторопилась закончить со всей этой историей, чтобы не обидеть возлюбленного мужчину. Ладно, решила она, мы поговорим позже, когда останемся наедине, и приняла кольцо, которое новоявленный миру жених, поднявшись с колена, тут же торжественно надел ей на палец.

Та-дан-н-н... типа сделка состоялась и закреплена.

Как только они закрыли дверь в свою комнату, после всех отмечаний и празднований оставшись наконец наедине, Александр, развернув Полину к себе, заглянул ей в глаза и спросил странно холодным тоном:

- Ты хотела мне отказать?

- Не то чтобы по содержанию предложения, - поспешила успокоить его Полина, - а по форме его изложения.

Она нежно-успокаивающе погладила Александра по щеке ладошкой, на пальце которой предательски сверкнул бриллиант в кольце. И, торопливо отдернув руку, чтобы наглый камень не торчал перед ее глазами, объяснила:

- Ты же знаешь, как я не люблю всякой публичности во всем, что касается личных вопросов и проявления чувств.

- С этим надо что-то делать, это же голимый атавизм, - усмехнулся Александр, заметно расслабившись. - Мы живем в век глобальной открытости во всех сферах жизни, ты не знала? Если не можешь что-то скрыть, то лучше и правильней это демонстрировать первым и самому, тем самым лишая людей возможности излагать свои домыслы. Я тебе много раз это объяснял.

Да, объяснял, еще как! И подкалывал постоянно, подшучивал на тему ее дремучести непроходимой, и объяснял очень доходчиво и популярно, что Полине, как специалисту ее уровня, к тому же человеку, служащему в столь серьезной и известной организации, занимающему не последнее место в ней, жизненно необходимо работать с электоратом через собственную страницу в Сети. Людей интересует в первую очередь твоя личная жизнь, твое отношение к тому или иному вопросу, а тебя в Сети нет.

Ау, Полина Павловна, мы хотим знать, чем ты живешь. Стань для меня супероткрытой, близкой, докажи, что ты такая же, как я, рассмеши, заинтересуй, завлечи каким угодно образом – хоть эпатажем, хоть каким выкрутасом, но убеди, что мы должны непременно посетить твою Галерею и купить какое-нибудь произведение, выставленное в ней.

А она так не могла. Не могла, и все тут.

Нет, разумеется, Полина присутствовала в нескольких профессиональных группах специалистов в сугубо искусствоведческом контенте и, понятное дело, принимала активное участие в сайте и группе самого «Центра» и Галереи. Ну и в семейном чатике и группе близких друзей.

А вот личное... Ну не могла она переступить через себя, через какого-то своего внутреннего цензора. Может, бабушка Анфиса так воспитала, что засело в ней штырем навсегда, на уровне инстинктов это воспитание, а может, ее непригодность к вранью и лукавству, неспособность прибрехивать, дуть щеки и что-то там изображать из себя. А ведь именно этим занимается подавляющее большинство в соцсетях, собственно ради этого в них и участвуя и потому вызывая в Полине глухое отторжение плотного общения в интернете.

Да бог знает, разбираться и ломать себя Поля не собиралась, хоть и соглашалась со всеми доводами, приводимыми Александром.

– И все же, – вздохнула Полина, в очередной раз признавая правдивость его замечания, – предпочитаю всем, что касается моей личной жизни и области чувств, делиться только с близким человеком. – И без перехода неожиданно спросила: – Ты думаешь, что нам следует пожениться? По-моему, и так все замечательно, и нам ведь хорошо вдвоем в тех рамках и реалиях, в которых мы встречаемся.

– Значит, ты все-таки сомневаешься, – покачал он утвердительно головой.

– Не то чтобы сомневаюсь... – начиная покрываться румянцем, забормотала невразумительное нечто Полина.

Все-таки Александр был отличный, талантливый менажер и умел вычленять главное в любой проблеме и совершенно виртуозно обращать «в свою веру»

даже самых трудных и несговорчивых инвесторов и потенциальных партнеров.

Во-первых, объяснил он, они очень друг другу подходят, поскольку находятся на одном социальном уровне и оба собираются расти, развиваться в своем деле, делать карьеру дальше. Во-вторых... А, собственно, во-вторых, как и в-третьих, и в последующих пунктах, перечислялись лишь дополнения и расширения к пункту первому: одинаковое чувство юмора, любовь к прекрасному, то бишь к искусству, общий круг общения, одинаковые ценности и понимание друг друга...

- Ну и главное... - завершая речь, сделал он многозначительную паузу, дабы добавить особой весомости и чуть-чуть пафоса последующим словам: - У нас отличный секс.

«Да?» - подивилась про себя Полина. А ей казалось, что именно в этом пункте у них как-то не очень...

Ну не то чтобы «не очень», все было совсем неплохо, даже очень неплохо, но... как бы это сказать? С самого начала отношений их близости не хватало чувственности, что ли, огня и страстности.

Да-да, именно - яркой, полыхнувшей страстности. Ну, чтобы как в эротическом романе, прямо ух... пожар!

Да, Александр был прекрасно сложенным, спортивным и весьма сексуальным мужчиной. И да, ей было хорошо с Александром, порой захватывающе хорошо, так, что она улетала... но немного и не окончательно, а так, низенько улетала, скажем так: могла «в полете» подумать о чем-то постороннем или отметить какую-то деталь-мелочь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/tatyana-alyushina/vynuzhdennoe-znakomstvo>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)